

авантюрная
мелодрама

АНТОН ЛЕОНТЬЕВ

СВЯЗАННЫЕ
ОДНОЙ ТАЙНОЙ

КАК ИЗБАВИТЬСЯ ОТ ПРИЗРАКОВ ПРОШЛОГО?..

Антон Леонтьев

Связанные одной тайной

«ЭКСМО»

2014

Леонтьев А. В.

Связанные одной тайной / А. В. Леонтьев — «Эксмо», 2014

ISBN 978-5-699-76325-2

Таня Волкова чувствовала себя маленькой принцессой, ведь родители обеспечивали ей сказочную жизнь в их роскошном подмосковном особняке. Все закончилось в один день, когда Танину семью уничтожил всесильный криминальный авторитет, в прошлом друг ее отца – она привыкла называть его дядя Леня. Таня осталась совсем одна... Инсценировав потерю памяти, девочка надолго усыпила подозрения кровного врага ее погубленной семьи. На самом деле она ничего не забыла и искала возможность отомстить... Для этого Таня решила стать юристом и добиться для дяди Лени пожизненного заключения. Судебный процесс разваливался на глазах, но Таня не даром много лет собирала на него компромат. Она не сомневалась, что погубит могущественного олигарха, однако не могла предвидеть предательства единственного человека, которому доверяла...

ISBN 978-5-699-76325-2

© Леонтьев А. В., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Книга 1	6
Книга 2	40
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Антон Леонтьев

Связанные одной тайной

*«Идет охота на волков. Идет охота!
На серых хищников – матерых и щенков.
...Идет охота!»*

Владимир Высоцкий

– Волки, – сказал ей в детстве отец, – в лесу не убийцы, а защитники. Настоящий волк всегда охотится не в стае, а в одиночестве. Таков его удел. Это самый сильный хищник.

– И он совсем никого не боится? – спрашивала Таня. На что отец отвечал:

– Ну отчего же... Например, других волков, более сильных. Или охотника. Но даже тогда настоящий волк открывает сезон охоты. Ибо хоть он и боится, но знает – победа останется в итоге за ним. Ведь волки никогда не сдаются. Как и мы.

– А мы что, волки, папочка? Мы же всего лишь Волковы!

И, прижимая к себе дочку, отец пояснил:

– Да, мы Волковы... То есть волки... И ты – одна из нас, *из волков*.

Книга 1

Об этом разговоре, имевшем место, когда ей было лет пять, Таня Волкова вспомнила, когда отмечала в последний раз свой день рождения.

День рождения, приходившийся на седьмое сентября, Таня отметила в последний раз в возрасте десяти лет – и с той поры никогда более не праздновала его. Еще бы, *ведь в тот день она лишилась всей своей семьи...*

Однако начинался этот день, которого она очень ждала и который считала самым чудесным праздником на свете, именно так, как ей и мечталось. А мечтала Таня быть маленькой принцессой. И в тот день стала ею...

Накануне, прекрасно понимая, что родители – в первую очередь отец – всю готовятся к предстоящему торжеству, Таня делала вид, будто не замечает ни телефонных звонков, ни поспешно шмыгающую экономку, ни уже доставленных, но все еще спрятанных в зимнем саду корзин с живыми цветами.

Ее старший брат Дима, которого Таня любила и боялась одновременно, бормотал себе что-то под нос об «этих девчоночьих фантазиях», однако Таня знала, что он тоже приобрел ей подарок и спрятал его у себя в комнате. Откуда знала? Все очень просто: девочка залезла в шкаф брата и обнаружила завернутую в прозрачный розовый целлофан куклу. Огромную, ростом с нее саму!

И все же было так приятно делать вид, словно ничего не замечаешь. И не понимаешь, что все родственники и домочадцы озабочены только одним: предстоящим днем ее рождения! Тем более что тогда был не обычный день рождения, а самая что ни на есть круглая дата.

Правда, на десятый день рождения брата ничего такого торжественного не случилось, хотя Таня, которая была младше Димы на шесть лет, смутно помнила события тех лет. Они ведь тогда не жили еще в этом замечательном особняке, больше похожем на настоящий замок, а обитали на квартире в Москве, впрочем, тоже далеко не маленькой.

Таня знала, что отец относится к Диме излишне строго, а вот ее собственным желаниям потакает. Еще бы, ведь она была его любимицей... Кажется, Дима даже ревновал ее к отцу. Однако ведь он сын и наследник, а она – юная принцесса!

То, что ее отец был важным человеком, Таня уже давно поняла. *Важным и богатым.* Впрочем, о том, что такое быть бедным, она имела весьма условное представление. Потому что все, кто обитал в закрытом поселке под Москвой, были людьми обеспеченными. Но даже среди них ее отец выделялся.

Как выделялся и их особняк, построенный по эскизам мамы. Мама, в отличие от отца, была человеком строгим, несколько отстраненным, иногда даже жестким. Но Таня знала: если сама она принцесса, то мамочка – настоящая королева.

Она как-то увидела в одном из иностранных глянцевого журналов (кстати, мама их терпеть не могла, издания выписывала младшая сестра отца, жившая с ними под одной крышей) удивительно похожую на маму даму – очень красивую, строгую и такую... *такую восхитительную.* Дама была в небывалом серебристом платье, со сказочной тиарой в волосах и необычайно красивым ожерельем вокруг тонкой шейки. А на груди у нее алела лента с орденом-звездой, в центре которой как бы изготавился к прыжку крылатый лев. Статья была на французском, однако Таня, которой родители и наняли настоящую гувернантку-парижанку, без труда поняла, о ком шла речь и кем являлась эта сказочная, столь похожая на маму дама – это была великая княгиня Клементина Бертранская.

И Таня дала себе слово, что, когда вырастет, станет такой же, как эта Клементина. А точнее, такой же, как мама.

Да, она ждала своего десятого дня рождения, считая дни после того, как ей исполнилось девять. Ведь именно тогда Танечка подслушала разговор родителей, в ходе которого отец убеждал маму на первый круглый юбилей дочурки устроить настоящий бал.

Таня ждала всю зиму. И даже лето, обычно столь упоительное, с полными долгими каникулами, показалось ей назойливой прелюдией к сентябрю, на седьмой день которого и приходился ее юбилей.

Летом они побывали на Лазурном Берегу, в том самом Великом княжестве Бертранском, правительницей которого была легендарная Клементина. И, надо же, им даже довелось увидеть ее. Правда, издали – окруженная целым выводком фотографов княгиня, на сей раз в джинсах, простой рубашке и с развевающимися на ветру волосами, ступала на причал с небольшого катера, который доставил ее с белоснежной гигантской яхты, замершей на рейде в волнах бирюзового моря.

Клементину сопровождали какая-то расфуфыренная дама, кажется, известная французская актриса, а также пожилой господин, вроде бы известный голливудский актер. Глаза княгини были скрыты темными очками, а со всех сторон их осаждали репортеры, старавшиеся сделать очередной снимок одной из самых известных женщин планеты.

Таня с мамой сидели в кафе, с террасы которого открывался отличный вид на акваторию княжества. За суматохой, связанной с прибытием Клементины, мама не наблюдала, предпочитая читать толстенный роман на французском какого-то ужасно умного экзистенциалиста. И только когда Таня, стараясь разглядеть Клементину, слишком подалась вперед, перевернув чашку с *café au lait*, мама оторвалась от чтения и произнесла с легким укором:

– Ты же знаешь, что если хочешь стать такой, как и она, то и вести себя должна соответствующе!

Танечка зарделась, чувствуя, что на глаза навернулись слезы. Пришлось просить у мамы разрешения отойти в дамскую комнату, чтобы привести себя в порядок. Она как раз смачивала водой кофейное пятно на своем платье, когда дверь внезапно отворилась, и кто-то вошел. Таня, подняв глаза и глянув в зеркало, остолбенела – позади нее стояла Клементина Бертранская.

Мягко улыбнувшись девочке, княгиня приложила палец к губам. А затем подошла ближе, положила на столик необычайно стильную сумочку из кожи неведомого пресмыкающегося и сняла очки. Так, без очков, она выглядела другой – такой беззащитной, уставшей и даже... Даже разочарованной.

– Ваша светлость, я очень рада встрече с вами... – пробормотала Таня, внезапно стыдясь своего французского произношения и соображая, так ли надо обращаться к Клементине. Но в той журнальной статье, кажется, ее титуловали именно так...

Княгиня, снова улыбнувшись, раскрыла сумочку, извлекла из нее крошечную золотую коробочку, увенчанную разноцветными камнями, нажала на один из них, в результате чего крышка беззвучно откинулась. Таня заметила внутри нечто, напоминавшее конфеты. Или таблетки. Клементина взяла одну, потом, поколебавшись, вторую, быстро положила их в рот, а затем элегантным движением зачерпнула из-под крана воды и запила таблетки.

– Вам нехорошо, ваша светлость? – спросила тихо Таня.

Клементина, несколько мгновений стоявшая с закрытыми глазами и словно набиравшая сил, вдруг переменилась. В нее словно влилась жизненная энергия. Дама распахнула глаза, обрамленные длинными черными ресницами, и, обернувшись к своей маленькой поклоннице, сказала:

– Нет, мне хорошо. Очень хорошо!

У нее был чарующий французский. Впрочем, с явной американской интонацией. Ну да, княгиня же была родом из-за океана, наследница семьи миллиардеров...

– Ты ведь из России? – спросила вдруг Клементина.

И Таня смущенно кивнула, подумав: неужели, несмотря на все старания парижской гувернантки, ее прононс так выдает русское происхождение?

Клементина опустила перед ней на корточки, взяла в свои ладони руки Тани.

– Ты милая красивая девчушка. У меня есть дочка, твоя ровесница... Тебя и ее объединяет одно – вы сами можете определять свое будущее!

Таня не знала, что сказать. И вдруг поняла, что эта красивая, богатая, обожаемая всем миром женщина глубоко несчастна. Но как же так? *Выходит, стать принцессой еще не значит поймать за хвост синюю птицу счастья?*

– Но ведь вы должны быть счастливы... – вырвалось у нее.

Клементина усмехнулась, и Таня почувствовала, как княгиня сжала ее пальцы.

– Счастлива? А что такое счастье? Ты не замечаешь его, пока оно есть, и падаешь, словно сраженная пулей, когда оно вдруг уходит. Разве вся мишура, которой полна моя жизнь, это счастье? Я ведь не могу быть рядом с человеком, которого люблю и которого одновременно боюсь! Кстати, он, как и ты, тоже родом из России...

Таня молчала, чувствуя, что ладони княгини все сильнее сдавливают ее руку. Но не отталкивать же Клементину, не звать же на помощь... И странно, почему женщина ведет речь о своем любимом из России, если она замужем за сюзереном Великого княжества Бертранского?

Из-за дверей дамской комнаты донесся с каждым мгновением нарастающий гул. Клементина встrepенулась и процедила:

– Стервятники на подлете. Как же я их ненавижу! Раньше я задавала тон, но потом все переменялось, и тон стали задавать они. Запомни – никогда и никому не разрешай определять ритм своей жизни. И не бойся отказаться от всего, чтобы начать все с начала. Но знай – рано или поздно все закончится, и сказка превратится в кошмар. Что, однако, означает и возможность обратной метаморфозы: кошмара в сказку...

Княгиня резко выпрямилась, замерла, глядя в зеркало и словно оценивая себя, прищурилась. Потом быстрым движением надела очки – и в мгновение ока снова стала неприступной и стильной аристократкой, иконой моды, украшением обложек гламурных изданий.

– Уверена, девочка, у тебя все будет хорошо. Только помни о цели своей жизни... И иди к ней! – обронила она. Затем нагнулась и поцеловала девочку в щеку.

Таня почувствовала тонкий аромат эксклюзивных духов. И ощутила, как Клементина повесила ей что-то на шею.

– Но какая она – цель в жизни? – спросила девочка, трогая подушечками пальцев цепочку, подарок княгини.

Внезапно дверь дамской комнаты распахнулась, на пороге возникло несколько особ женского пола с фотоаппаратами. Подскочили работники кафе и стали освобождать Клементину дорогу в толпе беснующихся репортеров, которые преследовали ее везде, не оставляя в покое даже в дамской комнате. Княгиня грациозно шагнула вперед. А затем, на секунду обернувшись, быстро произнесла, говоря как будто в пустоту, но на самом деле обращаясь к Тане:

– А вот это тебе предстоит выяснить самой! И даже если итог будет неутешительный, не стоит отчаиваться. Потому что...

Окончание фразы, видимо, бывшее квинтэссенцией ее странной беседы с незнакомой девочкой, Таня не разобрала, слова княгини потонули в стрекоте аппаратуры папарацци.

Преследуемая стаей репортеров, названных ею стервятниками, Клементина исчезла столь же неожиданно, как и появилась. Таня же, все еще не в состоянии поверить тому, что встретилась со своим кумиром, сжимала в руке то, что повесила ей на шею Клементина.

Затем девочка повернулась к зеркалу и увидела на цепочке медальон. Кажется, старинной работы. Кажется, золотой. Но, главное, что помимо ювелирной эта вещица имела и иную, гламурную, ценность: еще бы, ведь аксессуар принадлежал самой княгине Бертранской!

Таня захотела рассмотреть подарок поближе, размышляя о том, что она, конечно же, оставит его себе и будет хранить, как зеницу ока, только вот маме знать о нем вовсе не обязательно. Ведь мама наверняка отберет у нее презент Клементины и, чего доброго, со словами благодарности на отточенном французском отошлет украшение в великокняжеский дворец правителей Бертрана...

Но тут дверь снова распахнулась, и в дамскую комнату ввалилась какая-то девица. Вид у нее был необычный – вся в скрипучей коже, коротко стриженные волосы, правая половина которых выкрашена в ярко-красный, а левая в ядовито-зеленый цвет, на носу крошечные очки с розовыми стеклами.

– Малышка, ты ведь здесь была, когда сюда вошла красивая тетя? – прокуренным голосом спросила странная особа, являвшаяся, вне всяких сомнений, одной из папарацци. – Скажи мне, что она делала? Женщина ведь доставала из сумочки коробочку и вытаскивала оттуда таблетки? Сколько она их приняла?

Зажав в кулаке медальон, Таня вдруг поняла, что заключила с Клементиной пакт. Та, как фея в сказке, превратила ее, Золушку, в принцессу. *А принцессы и феи должны держаться вместе!*

Мотнув головой, Таня таким образом подозвала к себе репортершу.

Та, жадно втягивая носом, в котором покачивалось кольцо, воздух, уже чужая небывалую сенсацию, видела разворот в ведущих бульварных изданиях всего мира: «Клементина Бертранская – наркоманка! Показания эксклюзивного свидетеля!» Папарацци подумала: пусть другие рыщут по побережью, стараясь напасть на след укатившей невесть куда княгини, эта девчушка, на которую никто не обратил внимания, сейчас живо ей выложит, что видела, а из этого можно будет сделать сногшибательный материал и продать его за такую сумму, что закачаешься!

– Она что-то говорила? Называла имена? Может, сказала, что собирается встретиться с кем-то? Скажем, со своим любовником? – сыпала вопросами репортерша.

Таня жестом показала, что сообщит ей тайну на ухо. Доверчивая папарацци приблизилась вплотную, наклонилась, и Таня, набрав в легкие воздуха, изо всей силы завопила прямо в ухо беззастенчивой особе:

– Нет! И оставьте меня в покое, не то я пожалуюсь полиции, скажу, что вы пытались меня похитить!

Взвыв, оглохнувшая репортерша шарахнулась в сторону – и налетела на дверцу дамской комнаты, которую раскрыла мама Тани, входя внутрь. Девица, кряхтя, вылетела вон.

– Танечка, все в порядке? – заволновалась мама.

Сжимая в ладони медальон, девочка кивнула:

– Конечно, мамочка, только вот я платье запачкала. Может, вернемся в отель, чтобы переодеться?

Медальон Таня рассмотрела только вечером, обнаружив на нем изображение трубящего в рог ангела. Вещица не показалась девочке очень красивой, однако явно была старинной работы. Без сомнения, именно такие и носят принцессы – настоящие принцессы.

Однако украшать свою шею медальоном Клементины Таня не могла, иначе бы мама тотчас напала на нее с вопросами. Вернувшись в Россию, она спрятала его у себя в комнате среди кукольных украшений. И только по вечерам, украдкой, зная, что в комнату никто не войдет, примеряла медальон, чувствуя себя настоящей принцессой.

Накануне своего десятого дня рождения Таня тоже примерила медальон. А потом легла в кровать, подумав, что надо не забыть его снять. Но глаза девочки закрылись сами собой, и она не заметила, как заснула. А вновь их открыла, поняла, что уже настало утро. И обнаружила, что вся комната заполнена разноцветными воздушными шариками, которых вечером не было.

Таня потянулась, зевнула – и вдруг из-за шаров раздались смех, знакомые голоса, и из-под них вынырнули родители.

Отец поднял дочку с кровати и прижал к себе. Мама, улыбаясь, стояла рядом. Тут же был и Дима с огромной куклой, и тетя Ника, сестра отца, державшая небольшой торт.

– Вот тебе и исполнилось десять лет, моя красавица! – объявил отец, поставив Таню на пол. Его взгляд упал на медальон, и он спросил: – А что у тебя за безделушка такая?

В этот момент заиграла музыка, Таня быстро произнесла:

– Мамочка подарила...

Отец улыбнулся и снова подхватил свою принцессу на руки.

Потом последовали поздравления от остальных. Конечно же, от взгляда мамы не ускользнул медальон, но Таня с ответом на ее вопрос не растерялась, сообщив, что это презент отца. Мама ничего не сказала, чуть заметно нахмурилась. Таня знала, что она не разрешала мужу дарить дочери настоящие драгоценности, а что медальон не игрушечный, золотой, было видно сразу.

Девочке сделалось страшно – ведь рано или поздно, пусть и не сегодня, в день рождения, но уж точно завтра, мама заведет с отцом беседу о недопустимости подобных подарков, – и ее неуклюжая ложь откроется. *И что тогда?* Поразмыслив, Таня пришла к выводу, что отец ее не выдаст. Сделает вид, что в самом деле подарил имениннице медальон, выслушает упреки мамы, а потом, поцеловав ее, вернет расположение супруги. Папа же никогда не был суров с дочкой, он не отнимет у нее медальон. Тот самый медальон, который наверняка принесет Тане счастье – и сделает ее настоящей принцессой.

И в тот день она действительно превратилась в принцессу. Еще бы, ведь отец позаботился обо всем! К неудовольствию мамы, он нанял целую команду парикмахеров и визажистов, которые расположились в одной из комнат особняка. После завтрака и поздравлений со стороны прислуги стилисты занялись своей единственной клиенткой – Таней, которая восседала на золоченом, обтянутом темно-синим бархатом стуле с высокой спинкой. Вокруг были установлены старинные зеркала, и среди них сновали парикмахеры, визажисты, колдуя над именинницей.

А потом приехал известный столичный модельер, который привез сразу семь платьев. Все они полностью соответствовали размерам Тани. (Как отцу втайне удалось заполучить их, девочка понятия не имела.) Платья были разные, но их однако объединяло одно: любое могла бы надеть принцесса.

Тане предстояло сделать нелегкий выбор: отдать предпочтение одному из семи творений Дома моделей. Каждое было уникально, каждое могло бы стать нарядом юной принцессы, но Таня попыталась понять, какое же из них выбрала бы если не княгиня Клементина, так ее дочка, являвшаяся принцессой по рождению.

Отец, в честь дня рождения дочери отменивший все деловые встречи, давал ей советы, и Таня поняла: судя по всему, ему хочется, чтобы она отдала предпочтение тяжелому розовому платью с массой рюшей и оборок. Однако ее внимание привлекло другое платье, немного похожее на то, в котором Клементина Бертранская позировала фотографу для того портрета в журнале.

Кажется, модельер остался доволен ее выбором, а вот отец несколько огорчился. И тогда Таня сказала ему:

– Папа, поверь, настоящая принцесса выбрала бы именно его! Отец засмеялся и поцеловал ее.

Вечером, когда уже стемнело, состоялось главное событие: тот самый бал, торжественный прием по случаю ее первого круглого дня рождения. Для подобных мероприятий в особняке имелся громадный зал, в обычное время используемый в качестве спортивного. Сейчас, с

дивными подвесными картинами, в стиле рококо, убранный цветами, уставленный старинной мебелью, помещение и вправду походило на балльный зал сказочного замка.

И повелительницей этого сказочного замка была она, Таня! О, это было упоительное ощущение! Однако девочка постоянно помнила слова княгини Клементины о том, что все рано или поздно заканчивается, что любая сказка может превратиться в кошмар.

Неужели и эта сказка, главной героиней которой является Таня, тоже способна вдруг превратиться во что-то ужасное?

Принимать поздравления и подарки от прибывших гостей было очень приятно. Правда, детей возраста именинницы среди приглашенных практически не было. И Таня понимала: все эти облаченные в пиджаки, смокинги и даже фраки дяди, а также тети, наряженные в немыслимые платья, блиставшие бриллиантами и распространявшие запахи парижского парфюма, которые сюсюкали с ней, желали всего самого наилучшего и, ахая, восхищались ее видом принцессы, на самом деле старались угодить вовсе не ей, а другому человеку – организовавшему праздник отцу.

Михаил Степанович Волков был очень важным и влиятельным человеком. О том, в какой именно области, Таня имела весьма туманное представление. Знала только, что отец общается с сухими финансистами, и с разбитными звездами эстрады, и со знакомыми ей по телевизионным передачам политиками, и с какими-то насупленными, бритоголовыми, неразговорчивыми типами.

– Деточка, какая же ты большая стала! Настоящая принцессочка! Дядя Вольдемар тебя даже не сразу-то и узнал. С днем рожденья, расти большой, не будь лапшой, – проквашал невысокий полный мужчина в военном френче, хватая Таню за локоть.

Пальцы у него были влажные, такие же неприятные, как и он сам. Его лицо и визгливый голос были знакомы девочке – это как раз был политик из телевизора. Чувствуя его кислое дыхание, она инстинктивно сжала медальон, покачивавшийся на обвивавшей ее шейку золотой цепочке.

– Миша, а у меня ведь сынок имеется, – добавил противный тип, глядя в сторону отца Тани, – чуть постарше, чем твоя дочка! Они станут красивой парой, когда подрастут. Однозначно! Давай породнимся, сватами станем, детей поженим? Ведь хорошая мысль, Миша! Разве нет? Однозначно!

Политик, уже заметно накачавшийся дармового коллекционного шампанского, все норовил облизывать именинницу, а его рука упорно ползла с шеи девочки на спину и ниже.

– Принцессочка, пойдешь за моего Кирюшу? Кирилл, иди сюда, познакомься со своей будущей женой!

К ним подошел высокий, полноватый, нескладный подросток, некрасивое лицо которого было обильно усеяно пламенеющими угрями.

– Поцелуй ее, Кирилл. Ну же, целуй! Тили-тили тесто, жених и невеста! И правда, они пара, как дельфин и русалка. Однозначно. Горько, горько! И с днем рожденья! Однозначно!

Дядя Вольдемар толкал сыночка в сторону Тани, и тот, как зомби, растопырив руки, повиновался идиотским приказаниям своего напившегося родителя. Ни целоваться, ни тем более становиться невестой прыщавого Кирюши Таня не намеревалась, но понимала, что политик делает это неспроста – наверняка в самом деле желает породниться с семьей могущественного Михаила Волкова.

Краем глаза Таня заметила, что отец, беседовавший с изящной прима-балериной Большого театра, услышал вопли пьяного депутата и, прервав беседу, с каменным лицом наблюдает за происходящим. При этом лоб и щеки отца постепенно обретают багровый оттенок, что не сулит ничего хорошего. В первую очередь, разошедшемуся дяде Вольдемару.

Тане нисколько не было жалко ни самого приставучего политика, ни его туповатого прыщавого сына. И девочка знала, что отец, всегда уделявший большое внимание своей физиче-

ской форме, в два счета способен расправиться с перешедшим грань нормального общения мужчиной. Знала эта и мама, стоявшая на другом конце зала и сейчас нервно теребившая тонкое жемчужное ожерелье, в ожидании скорого урагана.

Но Тане не хотелось, чтобы день рождения – ее день рождения! – был ознаменован мало-приятной сценой или, не дай бог, дракой. Потому что сегодня дом Волковых ее замок, и хозяйкой этого замка являлась именно она.

Поэтому, увидев от дебиловатого сынка депутата, все еще пытавшегося поймать ее и в самом деле поцеловать, Таня подскочила к пьяному политику и, встав на цыпочки, крикнула:

– За вашего прыщавого Кирюшу я ни за что замуж не пойду! Слышите, дядя Вольдемар? Ни за что! Однозначно!

Последнее слово она гаркнула с такой силой, что мужчина шарахнулся, оступился и налетел на официанта, который перевернул на него поднос, уставленный бокалами с шампанским. Под всеобщий смех политик грохнулся на пол, приземлившись в лужу алкоголя. Мама сделала знак квартету скрипачей, и те заиграли что-то пронзительное. Музыка заглушила чертыхания дяди Вольдемара, требовавшего расстрелять неумеху официанта, мол, его действия это про-иски Госдепа, однозначно. Подскочившие секьюрити подняли политика, поставили на нетвердые ноги и вместе с прыщавым сынком проводили из зала.

Мама перестала теребить ожерелье, а лицо отца приняло нормальный оттенок. Таня вздохнула и улыбнулась – все в порядке. Но, однако же, как сложно быть хозяйкой приема... Как сказал бы дядя Вольдемар – *однозначно!*

Восстановился мир, прием продолжился. Таня ощутила счастье – полное и безмерное. Так хорошо, когда вокруг тебя любящие люди и все поздравляют тебя с днем рождения...

Внезапно что-то переменялось, и девочка не сразу поняла, что именно. А потом ей стало ясно, что появились новые гости, *причем незваные...* Она увидела вошедшего в зал высокого мужчину с темными, уже начинающими седеть волосами. Элегантный господин был облачен в смокинг и держал в руке огромную коробку, перевязанную большим цветным бантом. Рядом с ним шагала девочка примерно такого же, как и сама Таня, возраста.

Вроде бы ничего примечательного, еще один гость, представитель столичной элиты, коих на приеме пруд пруди. Однако Таня заметила, что присутствующие стали из всех сил пылаться на него. А когда тот, дружелюбно улыбаясь, посмотрел по сторонам, принялись делать вид, будто заняты разговорами, но при этом бросали на него удивленные взгляды.

Таня знала прибывшего мужчину. Это был дядя Леонид, один из друзей отца, точнее, самый близкий друг. Во всяком случае – до недавнего времени. А сопровождала его дочь, носившая такое же, как она, именинница, имя.

Таня увидела, что мама, рука которой опять начала теребить ожерелье, отошла от группки гостей и, тревожно взглянув на отца, тотчас нахмурившегося, двинулась в сторону нового посетителя. А еще заметила, что отец на мгновение растерялся. Таким Таня своего папу никогда не видела. Таким сбитым с толку и встревоженным. Хотя знала, отчего тот встревожился.

Дядя Леонид был лучшим папиным другом, кажется, если не детства, так точно с юности. Они являлись партнерами, вместе занимались бизнесом. Каким именно, Таня не имела понятия, помнила однако, что до недавнего времени дядя Леонид частенько наезжал к ним в особняк. И его дочку тоже хорошо знала – тетка была практически ее ровесницей и, в отличие от отпрысков прочих представителей элиты, ничуть не заносчивой и хорошо воспитанной.

Да, так было, но это осталось в прошлом. Потому что папа и дядя Леня поссорились, причем, кажется, очень серьезно. Что стало причиной их размолвки, Таня не знала. Не так давно отец собрал свое семейство в кабинете и заявил, что у них у всех появился враг – дядя Леня. Таня тогда осторожно спросила, значит ли это, что она больше не увидится с его дочкой.

И папа, не долго думая, заявил, что Таня ей не пара, и о дружбе надо забыть. Мама попыталась что-то возразить, а вот тетя Ника, сестра отца, всецело поддержала брата, назвав дядю Леонида мерзавцем, преступником и убийцей. После чего Тане было велено покинуть кабинет. Более всего ее тогда разозлило, что брату Диме разрешили остаться, а ее, словно ребенка, выставили за дверь. Ну еще бы, ведь она была девчонкой...

Правда, Тане удалось подслушать часть разговора, шедшего за закрытыми дверями. Но потом около кабинета возник один из телохранителей отца, а при нем, конечно же, нельзя уже было прикладывать ухо к замочной скважине, поэтому Тане не оставалось ничего иного, как ретироваться. Но того, что она услышала, хватило. До нее донеслись фразы, что Леонид «перешел запретную черту», «решил нарушить договоренности», «попытался прибрать к рукам чужую сферу влияния» и «возомнил себя самым главным». И отец, как она поняла, был готов «принять меры». Что за меры, она представления не имела...

С тех пор миновало несколько месяцев, и всяческие контакты с дядей Леной прекратились. Таня переживала потерю подруги, но изменить ничего не могла. Как-то однажды заикнулась о том, можно ли позвонить ей и пригласить в гости или самой съездить к ней, а мама сухо ответила: глупости, она должна вообще забыть, что у нее была такая подруга.

И вот дядя Леонид в сопровождении дочери появился на ее дне рождения, хотя было ясно, что их никто сюда не приглашал. Таня, получившая возможность бросить взгляд на список приглашенных, видела несколько вымаранных имен, и два из них принадлежали именно тем гостям, что сейчас вошли в зал.

Вслед за дядей Леной в зале появились охранники отца, и один из них запустил руку в карман пиджака. Девочка прекрасно знала, что он там шупает – кобуру с пистолетом. Не хватало еще, чтобы ситуация снова вышла из-под контроля после недавней ужасной сцены с дядей Вольдемером! Подумав так, Таня вслед за мамой направилась к дяде Лене.

– Уверю тебя, при данных обстоятельствах совершенно неподходяще... – донесся до нее тихий голос мамы. А дядя Лена, улыбавшийся во все тридцать два белоснежных зуба, казалось, не слушал, что она вещала. И, отстранив ее, обратился к Тане:

– Ах, вот и наша маленькая принцесса! Танюша, поздравляю тебя с днем рождения! Разреши-ка мне тебя обнять...

Передав коробку с бантом дочери, он вдруг подхватил Таню и закружил именинницу в воздухе – точно так, как делал ее собственный отец. А тот медленно подошел к ним, и на его лицо легло странное выражение. Помимо этого от внимания Тани не ускользнуло, что телохранители практически отсекли их маленькую группу от других гостей, как бы взяв в кольцо. Что же это значит?

– Здравствуй, Леонид, – долетел до Тани голос отца, тихий, но в то же время угрожающий. – Вот уж кого не ожидал увидеть.

Дядя Лена, поставив Таню на пол, поцеловал ее и, избегая смотреть на бывшего друга, с едва заметной усмешкой тоже негромко ответил:

– Что же, Миша, в жизни всегда так – происходит то, чего меньше всего ожидаешь.

Затем он взял у дочери подарок и вручил его имениннице.

– Это для тебя, Танюша, от всей нашей дружной семьи. Мы ведь друзья до гробовой доски, не так ли?

Таня взяла перевязанную бантом и завернутую в цветную бумагу коробку, заметив, что к ней двинулся один из телохранителей. Но отец подал ему знак, и мужчина замер на месте. Отец сам подошел к дочке и забрал у нее коробку, спросив:

– И что там внутри, Леонид?

Тот усмехнулся, в его глазах мелькнула обида.

– Во всяком случае, не бомба. Я же люблю твою Танюшу, как свою родную дочку! Ты разве не помнишь, что я ее крестный? И с каких времен крестного не приглашают на день рождения крестницы, тем более на первый юбилей?

Дядя Леня был прав – он действительно был крестным отцом Тани. А крестной матерью тетя Ника.

– Хочешь убедиться, что я не принес взрывное устройство? – спросил с усмешкой дядя Леня. – Ладно, пусть твои сатрапы проверят подарок... А ты, что, Миша, полагал, я подобно тебе, забуду о своей крестнице? Сам-то ты – крестный отец моей Танюши, однако о ее дне рождения в июле и думать забыл! А вот я о круглой дате твоей Танечки прекрасно помнил и к нему подготовился. Потому что не придерживаюсь, в отличие от тебя, Миша, мнения, что наши разногласия надо переносить на детей. Впрочем, если мы тут нежеланные гости, то можем прямо сейчас уйти.

Лицо отца дрогнуло, он принял решение и, подойдя к дяде Лене, произнес:

– Добро пожаловать на наш семейный праздник!

Однако руки не протянул.

Снова заиграла музыка, прием потек своим чередом. Телохранители отца исчезли, а сам хозяин дома отошел в сторону с новым гостем. К имениннице подошла дочка дяди Лени, которая была старше ее на два месяца. Таня всегда радовалась встрече с ней, однако теперь не знала, как себя вести. Потому что поведение отца было очень странным.

– Мы ведь по-прежнему подруги, не так ли? – спросила тетка и улыбнулась. – Кажется, наши отцы что-то не поделили, но это же не имеет отношения к нам. Хочешь посмотреть, какой подарок мы тебе привезли? Я его сама выбирала!

Таня, конечно же, хотела. Поэтому девочки покинули зал, ушли в одну из пустынных соседних комнат. Развязав бант и сняв яркую оберточную бумагу и открыв коробку, Таня обнаружила игрушечный замок. Выглядел он как настоящий – с мебелью, тронным залом и даже с драконом. Причем устроен замок был так хитро, что можно было, словно в шкатулку, заглянуть внутрь, в любую из комнат. Центральной из которых являлась, конечно же, комната его повелительницы-принцессы. У Тани от подарка захватило дух: именно о таком она мечтала!

Девочки тотчас стали увлеченно возиться с игрушечным замком. В помещение заглянула мама, желая удостовериться, что все в порядке. При этом, несколько конфузясь, вручила Тане-гостье небольшой сверток в золоченой бумаге с розовым бантом. Поцеловав ее в лоб, поздравила с прошедшим днем рождения и пожелала всего самого наилучшего.

– Большое спасибо, тетя Маргарита! – ответила дочка дяди Лени. – Вы сегодня чудесный праздник устроили. А на мой десятый день рождения мы поехали во Францию, папа снял на один вечер замок на Луаре...

Таня заметила, что подруга, в отличие от нее самой, подарок не распаковала. Наверняка это книга или какая-нибудь безделушка: что-то иное вряд ли можно было так быстро подобрать.

– Однако приглашенных было мало, только самые близкие родственники, – продолжила гостья, когда поздравившая ее тетя Маргарита ретировалась. – А у вас другое дело. Вот уж праздник так праздник!

– А почему к вам больше никто не приехал? – спросила Таня.

И дочка дяди Лени пояснила:

– Ну, ты же в курсе того, что наши отцы рассорились друг с другом. Мой папа боялся, что твой папа, угрожавший ему смертью, приведет в исполнение свой план.

Именинница, которая как раз держала в руке игрушечную принцессу, стараясь посадить ее на трон, вздрогнула.

– Что ты такое говоришь? – воскликнула она. – Мой папа твоему не угрожал! Это твой решил перейти запретную черту и, вдруг возомнив себя самым главным, прибрать к рукам чужую сферу влияния!

Подруга тяжело вздохнула:

– Танюша, неужели ты не понимаешь, что это не так? Без моего папы твой папа никогда бы не достиг тех высот и того влияния, которое у него сейчас имеется. А что касается угрозы для нашей жизни... Ты, наверное, не в курсе, что через восемь дней после моего дня рождения на моего папу было совершено покушение? Автомобиль, в котором он должен был находиться, сначала обстреляли, а потом взорвали. И только по счастливому стечению обстоятельств отца в автомобиле в тот момент не было. Однако погибли два охранника, его личный шофер, а также верная секретарша. А будь папа вместе с ними, он бы тоже погиб.

Эти ужасные слова Таня-гостья проговорила спокойным, даже чересчур спокойным, тоном, а ее лицо озаряла добрая теплая улыбка. От этого контраста у Тани-именинницы по телу побежали мурашки. И, конечно же, от голословного обвинения в адрес ее отца.

– Но какое отношение имеет к покушению мой папа? – в сердцах заявила девочка, все еще пытаясь усадить игрушечную принцессу на трон. От волнения у нее дрожали руки, и она просто швырнула фигурку на стол. – У твоего отца, который не соблюдает закон, наверняка много врагов!

Тезка вспыхнула:

– Преступник не мой папа, а твой! Потому что именно он устроил покушение на моего папу! Хотел убить своего лучшего друга, потому что тот умнее и способнее его, к тому же пытался выйти из-под его контроля!

– Неправда! – закричала Таня.

– Конечно же, правда! – крикнула в ответ гостья. – Твой отец преступник, у него руки в крови. Раскрой глаза, Танюша, твой отец – криминальный авторитет. Теперь-то он стал крупным бизнесменом, однако как был убийцей, так им и остался, ведь все, кто встал на его пути, вдруг становились жертвами заказных убийств. Как всех других конкурентов, он пытался убрать с дороги и моего папу. Но не вышло! Потому что мой папа намного умнее и лучше, чем твой!

Таня не знала, что ответить. Похоже, ее подруга в курсе того, что происходит в жизни родителей. И гораздо лучше осведомлена, чем занимаются их отцы. Однако никто не давал дочке дяди Лени права заявляться на чужой праздник и обвинять чужого отца в таких страшных вещах! Конечно, Таня, смотревшая телевизор, прекрасно знала, что такое «заказное убийство» и «убрать с дороги конкурента». Но ее папа, ее добрый любимый папка, никак не может быть убийцей! Как смеет эта лжеподруга произносить подобные вещи!

– Не лги! – заявила она в сердцах. – Это твой отец...

И замерла, не зная, что сказать.

Другая Таня зло усмехнулась и передразнила ее:

– Не лги, не лги... Господи, какая ты наивная! Или, как правильно говорит мой папа, глупенькая... Все вы, Волковы, такие – жадные и глупые. Твой отец – убийца! А все эти людишки, которые сегодня подобострастно поздравляют тебя, мелкую пигалицу, с десятым днем рождения, заявили сюда только потому, что боятся твоего отца и лебезят перед ним. Ты им и даром не нужна!

Таня почувствовала, что по ее щекам струятся слезы. В отличие от сцены с дядей Вольдемаром, свидетелей этого разговора не было, однако *ее праздник* был безнадежно испорчен. И виноваты в том исключительно два человека – дядя Леня и его дочурка, заявившиеся на праздник, на который их не приглашали.

– Твой отец тоже убийца! Он ведь сидел в тюрьме! За разбой! – выпалила она, вспомнив фразу, которой как-то обменялась мама и тетя Ника.

Экс-подруга усмехнулась:

– А твой, можно подумать, не сидел, Танюша. Причем попал на зону в первый раз по гораздо более гадкой статье – за изнасилование. Ты знаешь, что это такое?

Таня оцепенела. Известие, что ее папа сидел в тюрьме, было как гром среди ясного неба. Нет, нет, наверняка эта дрянная девчонка все сочинила, причем с одной целью – досадить ей.

– Врешь! – закричала она.

А дочка дяди Лени язвительно продолжила:

– Ах, да ты, кажется, ничего не знаешь? Конечно, ведь в семье тебя считают несмышле-нышем, принцессой, наследницей, поэтому правды не говорят. Да, твой папаша мотал срок на зоне, как принято говорить. За изнасилование! А ты знаешь, что на зоне таких, как он, не любят? Знаешь, что с ними там бывает? Их «опускают». Разъяснить тебе, юной идиотке, смысл этого слова? И твоего папаню «опустили», причем многократно. А место таких «опущенных» у параша, возле которой он и провел срок своего заключения!

Не выдержав, Таня бросилась к своей теще и закатила ей пощечину. Та, охнув, схватилась за багровую щеку, заговорила еще злее:

– Вот вы какие, Волковы, бешеные! Чуть что, сразу нападаете! Правильно сказал папка: таких волков, как вы, стрелять надо! И все равно, твой опущенный папаша был у параша! Твой опущенный папаша был у параша!

Она выкрикивала мерзкую дразнилку, явно провоцируя Таню. Та же, взглянув на чудес-ный игрушечный замок, врученный дядей Леной и его дочкой, вдруг схватила одну из башен и с хрустом отломала ее.

Другая Таня, смолкнув, уставилась на это. А затем в ужасе заголосила:

– Ты что делаешь, дура? Знаешь, сколько подарок стоил? Его для тебя в лучшем париж-ском магазине покупали!

– Да хоть миллион! Или даже сто миллионов! – ответила Таня, с наслаждением отламы-вая другую башню и ударяя кулаком по тронному залу. – Теперь замок мой, что хочу, то с ним и делаю. А я решила, что превращу его в грудку мусора! И верну вам с твоим папашей, который сам сидел даже не у параша, а прямо внутри, в параше! Мне папа рассказывал, его каждый день по двадцать раз «опускали»...

Значение сего глагола Таня не ведала, однако, поняв, с каким гадким удовольствием использует его бывшая подруга, решила, что он обозначает нечто постыдное и преступное.

– Неправда! – закричала дочка дяди Лени. – Мой папа был в тюрьме главным!

– В какой только, спрашивается, параше главным? – взвизгнула Таня и, с корнем выдрав часть крепостной стены с навесным мостом, швырнула ее на пол. – Наверное, так и быть, во всех!

Настал черед другой Тани залиться слезами. Не зная, что бы сказать и предпринять, она схватила сверток, который вручила ей Маргарита Волкова, разорвала обертку и вытащила книгу.

– Стихи! Анна Ахматова! Твоя маманя, кажется, считает себя великой поэтессой, не так ли? Спасибо еще, что сборник своих стихов не преподнесла. Впрочем, если бы преподнесла, мы бы нашли ее книжке единственно верное применение – в качестве туалетной бумаги!

И она стала методично вырывать страницы из томика, комкать их и швырять в лицо Тане.

А та, бросив замок со стола на пол и потоптавшись на нем, ответила:

– Молчала бы лучше, Танюшенька! Потому что у меня мама хотя бы есть, а вот у тебя... Кем она была, проституткой или сумасшедшей? А, знаю, сумасшедшей проституткой!

Кто такая проститутка, Таня была в курсе – тетя Ника просветила. Как и в том, что матери у другой Тани нет, якобы умерла при родах. Хотя взрослые шептались, что это только идиот-ская романтическая версия, а на самом деле дядя Леня обрюхатил какую-то шлюху и нарко-

манку, к тому же наполовину свихнувшуюся, та родила ему дочурку, а сама свалила невесть куда.

– А твоя мама... твоя мама...

Другая Таня все собиралась с мыслями, глотая слезы и воздух. Но в голову ей явно ничего не пришло, и она громко зарыдала. Тане Волковой стало даже тесно жаль. Наверное, она перешла ту самую запретную черту, которую переходить было нельзя. Но ведь бывшая подруга сама виновата, первая начала ссору, обвинив ее папу в ужасных вещах!

Тронутая искренними слезами дочки дяди Лени, Таня подошла к ней, желая успокоить. Но та отпихнула протянутую руку и вдруг бросилась на нее, повалив на пол. Тетка оседлала именинницу и стала изо всех сил молотить кулаками по ее груди.

Тане удалось отшвырнуть бывшую подругу, оказавшуюся самым настоящим врагом. Теперь девочки стояли друг напротив друга – с растрепанными волосами, расцарапанными лицами, в порванных платьях. Первой опомнилась Таня Волкова, промолвив:

– Слушай, мы, кажется, зашли слишком далеко...

Но другая Таня закричала:

– Вы, бешеные волки, всегда так – когда понимаете, что вас загнали в угол, давите на жалость, при этом пытаясь достичь только одного: выбрать удобный момент и напасть на других, чтобы перекусить им глотку!

Такой свою тещку Таня не знала. Та была всегда тихой, хотя и странноватой девочкой. А сейчас перед ней была настоящая маленькая ведьма.

– Вот ты и грызи глотку! – снова обозлившись, заявила Таня. – Себе и своему папане! А теперь я предлагаю тебе покинуть мой прием. Потому что делать вам обоим тут нечего.

Другая Таня внезапно успокоилась, словно вспомнив о чем-то. При этом ее взгляд скользнул к полуразрушенному игрушечному замку, лежавшему на полу.

– Эх, Танюша, мне тебя жаль. Потому что ты многого не знаешь и, думается, уже не узнаешь, – промурлыкала она, приводя в порядок прическу. – Ибо скоро, очень даже скоро, наступят совершенно иные времена! На любого бешеного волка найдется свой охотник с ружьем!

Таня хотела спросить, что ее тещка имеет в виду, потому что уж слишком разительно отличались последние страшные слова от прочих диких высказываний, однако в тот момент дверь распахнулась, на пороге возникла ее мама. Хозяйка дома в руках держала поднос с несколькими пирожными и хрустальный кувшинчик с соком. Она остолбенело замерла на пороге, заметив, как выглядят девочки и во что превратились подарки.

– Спасибо вам за стишки, тетя Маргарита, однако Ахматову я и без вас наизусть знаю, – бросила Таня-гостья, проходя мимо нее. – И кстати! Как бы вы ни старались, ваши вирши были и останутся пачкотней избалованной богачки. Ведь печатают вас только потому, что у вашего мужа есть деньги, и потому что он бандит, которого все боятся. Всего вам наилучшего!

С этими словами девочка удалилась, гордо вскинув голову и так и не взглянув на Таню. Мама, быстро поставив поднос на стол, взяла дочь за локоть и, пребольно сжав его, строго спросила:

– Что тут произошло?

– Танька первая начала! – ответила именинница, вырывая локоть. – Такие ужасные вещи говорила...

– Она могла говорить какие угодно вещи, но ты не должна уподобляться ей, – заявила мама. – Надо было позвать меня. Ты же, как я вижу, поддалась на провокацию. Это плохо, очень плохо! Я думала, моя дочь гораздо умнее.

Последнее, что Таня хотела слышать, так это упреки от мамы. Поэтому девочка развернулась и, не слушая ее грозных окриков, побежала прочь. Внезапно ей все надоело – и прием в свою честь, и роль принцессы. Неужели и в настоящей жизни так: вдруг кто-то может прийти

и бабахнуть кулаком по замку, в котором ты живешь, не подозревая, что он кукольный и что ты – всего лишь марионетка?

Таня взлетела на второй этаж, желая попасть к себе в комнату и запереться там, но вдруг услышала в соседнем коридоре громкие голоса. Прокравшись туда, девочка увидела папу и дядю Леню. Судя по всему, их общение, как и ее собственное общение с Таней, протекало весьма бурно.

– Леонид, повторяю, ты зашел слишком далеко! Твои требования неприемлемы! – громыхал голос отца.

– Это ты, Михаил, зашел слишком далеко, когда попытался ликвидировать меня! – в тон ему отвечал дядя Леня. – Что молчишь, сказать нечего? Да если бы ты и уверял меня, что вовсе не ты организовал покушение, я бы все равно тебе не поверил! Потому что мы оба, и ты, и я, прекрасно знаем: именно ты, только ты!

Отец продолжал молчать, что испугало Таню больше всего. Ведь она была уверена, что бывшая подруга нагородила сплошную ложь. Покушение на отца, может, и имело место, но ее папка к нему никак не причастен. *Или все же...*

Наконец Михаил Волков заговорил, как бы оправдываясь:

– Леонид, войну объявил ты. Именно по твоему приказанию были убиты четверо моих людей. И мне стало известно, что ты разрабатывал план похищения моей дочери. Поэтому мне пришлось перейти к решительным действиям...

Таня остолбенела. Значит, все правда? Подруга не обманула – *ее, Танин, отец убийца?* Ведь в результате покушения на дядю Леню погибло несколько человек...

Но в то же время девочка не могла верить, что кто-то – не кто-то, а дядя Леня! – замыслил ее похищение. Хотя... Теперь становится понятно, отчего какое-то время назад были усилены меры безопасности. И почему, несмотря на начало нового учебного года, она не отправилась в школу, а перешла на обучение на дому.

Настал черед дяди Лени молчать. А снова обретя голос, он, подобно отцу, не стал ничего отрицать.

– Михаил, ты сам вынудил меня к этому, когда нарушил наши договоренности. Я думал, мы равноправные партнеры, более того, мы братья. А ты крысятничал. Да еще попытался забрать себе то, что принадлежит, причем по праву, только мне.

– Леонид, мы никогда не были братьями и не будем ими. А крысятничал исключительно ты, заключая договоры за моей спиной и подбивая инвесторов отказаться от сделки с моей фирмой.

– Не подбивал, а предложил свои условия, гораздо более выгодные! Волк, ты выкручивал инвесторам руки, запугивая их!

Таня знала, что некоторые особо близкие друзья могли обращаться к ее отцу, Михаилу Волкову, именно так – «Волк».

– Нет, Чех, это ты был готов пойти на преступление и грозил похищением ребенка, если они не подпишут договор именно с тобой.

Фамилия у дяди Лени была Чехарский, и иногда, впрочем, очень редко, отец в самом деле обращался к нему именно так – «Чех».

Снова повисла пауза. А потом дядя Леня произнес:

– Значит, это твое последнее слово, Волк? Потому что я прибыл с добрыми намерениями и чистыми помыслами. У нас еще есть шанс забыть о том, что произошло. Я готов простить тебе покушение на себя...

Отец властно перебил его:

– Прощать будет господь на страшном суде, Чех. Ты, может, и готов забыть, хотя я не верю ни одному твоему слову, а вот я никогда не забуду и не прощу, что ты намеревался похитить мою Танюшу. Поэтому убирайся прочь. На войне, как на войне!

Дядя Леня развернулся и пошел прочь. Таня, не успев убежать, вжалась в стенку, но мужчина даже не заметил ее. А оказавшись уже у лестницы, произнес, не поворачиваясь, зло-вещим тоном:

– Что же, Волк, ты сам сказал: на войне, как на войне. Однако это распространяется и на тебя тоже...

Затем резво сбежал вниз. Отец шагнул за ним, также не обращая внимания на Таню, но остановился на полпути. Девочка, вытянув шею, увидела, что внизу собралась целая группа телохранителей отца, окружившая дядю Леню и его Таню.

– Я пришел без оружия, один, с дочерью и надеюсь свободно уйти, – поднял голову вверх дядя Леня. – Или ты, Волк, прикажешь убить нас, когда твой дом полон гостей?

– Выпустите его! – приказал отец, и телохранители расступились.

Взяв свою дочь за руку, дядя Леня направился к двери. На пороге, обернувшись, он снова устремил свой взор к лестнице, на которой замер сложивший руки на груди Михаил Волков, и негромко произнес в установившейся тишине:

– Люблю я, однако, охоту на волков...

Голос у Леонида Чехарского был ехидный, насмешливый.

Его дочка высунула язык, а затем скрылась вместе со своим отцом.

Хоть праздник и был испорчен, но Таня все равно радовалась – тому, что смогла почувствовать себя принцессой. Тому, что получила столько подарков. Тому, наконец, что сумела увидеть истинное лицо своей некогда лучшей подруги.

Прочие гости ничего о выяснении отношений между семейством Волковых и Чехарских не узнали. Однако то ли плохое настроение хозяев оказалось заразительным, то ли все же кое-какие слухи просочились, но вскоре представители московского бомонда один за другим отбыли восвояси.

Было около полуночи. Зал, где только что шумело празднество, погрузился в темноту. Мама сказала, уборку произведут на следующий день, а сейчас всем пора спать.

На фоне выяснения отношений с дядей Ленией родители, кажется, не вспомнили о золотом медальоне на шее дочери и о его таинственном происхождении, чему Таня обрадовалась. Она быстро почистила зубы, приняла душ и, натянув ночную рубашку, решала было рассмотреть подарки, которые громоздились в смежной с ее спальней комнате. Однако раскрывать одну упаковку за другой не оказалось ни сил, ни желания. Все же права была Таня Чехарская, заявившая, что все гости пришли с поздравлениями только потому, что трепещут перед отцом именинницы, грозным Михаилом Волком. Значит, и подарки у этих людей точно такие же, как и они сами: неискренние, фальшивые.

Таня подошла к огромной, в ее собственный рост кукле, которую преподнес старший брат Дима, и обняла ее. Ну надо же, какая прелесть! Потом девочке захотелось примерить на нее одно из бальных платьев, привезенных сегодня. Только она исполнила задуманное, как услышала за дверью голос мамы. И быстро спрятала куклу в дорогой собственной обновке в стенной шкаф, понимая, что мама не одобрит ее действий. А затем бросилась к постели и нырнула под одеяло.

Дверь открылась, появилась мама. Таня, помня о последнем разговоре с ней, сделала вид, что спит. А мама, усевшись на край кровати, поправила одеяло и сказала:

– Танюша, я же знаю, ты притворяешься. Но не бойся, я тебя больше журить не стану. Потому что эти несносные Чехарские прибыли сюда с единственной целью – сорвать твой праздник и объявить нам войну. Первое у них не получилось, а вот второе... Теперь нам всем надо держаться вместе и быть крайне осторожными! Ты слышишь?

Открыв глаза, Таня села на кровати. Мама привлекла ее к себе, обняла и поцеловала. Девочка же украдкой зажала в руке медальон Клементины – не хватало еще, чтобы мама снова обратила на него внимание. И вообще, надо снять украшения и спрятать в тайнике.

– Знаешь, папа ведь ничего не сказал мне о том, что Леонид хотел похитить тебя... – произнесла мама, снова целуя дочку. – Ты ведь уже большая и понимаешь, что это значит? В общем, не вижу смысла от тебя что-то скрывать. Да и Танюша Чехарская наверняка сообщила тебе об этом. Вот я и прошу: будь очень осторожна. Я так тебя люблю!

– И я тебя тоже, мамочка! – воскликнула Таня и прижалась к ней.

Дверь снова открылась, в комнату вступил отец. Он также уселся на кровать и обнял жену и дочку. Мама, поцеловав мужа и пожелав Тане доброй ночи, вышла. Не преминув напомнить мужу, что уже полночь, ребенку пора спать.

Михаил Волков уложил Таню в постель, накрыл одеялом и произнес:

– Похоже, дочка, этот день рождения ты запомнишь на всю жизнь.

– Это был классный день рождения, папочка! – ответила Таня, зевая и чувствуя, что глаза у нее начинают слипаться. – Дядя Вольдемар был таким уморительным... А дядя Лёня... Дядя Лёня ведь гад, да?

Папа усмехнулся и поправил одеяло.

– Десятилетней девочке такие слова не к лицу, Танюша. Но в общем и целом ты права, он редкостная сволочь и крайне опасная. Теперь мы ведем с ним войну, а это значит, что мой противник пойдет на любую подлость, дабы одержать верх, в честной-то схватке у него нет ни малейшего шанса. Поэтому нам надо быть бдительными, крайне бдительными. Боюсь, мой бывший друг, а ныне враг попытается нанести удар по тому, что мне дороже всего: то есть по тебе, по маме. Вот почему я принял решение, что вы обе поедете за границу. Причем надолго!

Таня, сжимая в кулаке медальон, пробормотала:

– А можно в Бертран? И... ты ведь тоже поедешь?

– Нет, Бертран это слишком очевидно. У нас там имеется недвижимость, так что дядя Лёня будет искать там в первую очередь. Вы поедете туда, где ему ни за что вас не найти. И я останусь пока в Москве. Но как только проблема будет решена, вы сюда вернетесь. Я уже говорил с мамой – полетите прямо завтра... Дима будет со мной. Он ведь уже большой мальчик, ему надо привыкать к военным действиям.

Таня осторожно спросила:

– Папочка, а что значит «как только проблема будет решена»? Ведь проблема – это дядя Лёня Чехарский, да? Как же ты можешь ее решить...

Она замолчала, а в голове у нее крутились слова другой Тани о том, что ее отец – убийца. И даже десятилетней девочке было понятно, *как* можно решить эту проблему.

– Ты ведь умная, Танюша, и уже взрослая, нет смысла играть с тобой в прятки. Поэтому давай я расскажу тебе сказку. Сказка ложь, но в ней, как говорится, есть намек...

Помолчав немного, отец снова заговорил:

– Жили-были два друга, назовем их... Назовем их Волк и Чех. И хоть не были они братьями, но считали себя таковыми. Ведь когда-то Волк спас жизнь Чеху – дело было еще в юности, когда оба угодили в тюрьму. Преступление, которое совершил Чех, было мерзкое, пакостное, и те, кто был в тюрьме, хотели Чеха наказать. Но Волк спас его от наказания. Наверное, с тех пор Чех и затаил злобу на Волка. А тот позднее узнал, что Чех распространял слухи, будто все случилось наоборот, Волк сидел за гнусное преступление, а его спас от расправы Чех, который, видимо, испытывал зависть к успехам Волка. Подспудная зависть перешла в ненависть в тот момент, когда красавица... назовем ее Марго... за благосклонность которой боролись и Волк, и Чех, предпочла именно Волка и вышла за него замуж. И тогда Чех возжелал жениться на младшей сестре Волка. Та была не против, но Волк свадьбу запретил, ибо

понимал, что таким образом Чех хотел добиться одного – войти в его семью и стать как можно ближе к Марго, которую все еще обожал. И вот однажды...

Что было однажды, Таня уже не слышала, провалилась в сон. Сказка, которую рассказывал папка, была ужасно интересная, да и не сказка вовсе, но подушка такая мягкая, а день такой утомительный... Поэтому сказке суждено было остаться незавершенной.

Заметив, что дочь заснула, Михаил Волков подоткнул одеяло, поцеловал девочку и вышел из спальни, выключив свет и притворив дверь. А затем, вернувшись к себе в кабинет, где ждали его люди, произнес:

– Чех явно что-то замышляет. Поэтому всем надо быть начеку. Завтра вечером жена и дочка отправятся за границу, и тогда мы сможем нанести удар сокрушительной силы. Такой удар, от которого Чех уже не сможет подняться. У меня есть кое-какие мысли по этому поводу, но обсудим их завтра, после того, как жена и дочка окажутся в безопасности. День сегодня был суматошный, напряженный, поэтому сейчас всем приказываю хорошенько отдохнуть, набраться сил. Ибо в последующие дни и недели времени на отдых, скорее всего, не будет...

Проснувшись Таня внезапно. Оторвала голову от подушки, уверенная, что заснула всего на мгновение и что папка по-прежнему сидит на краю кровати, рассказывая увлекательную сказку о Волке, Чехе и красавице Марго. Но папы в комнате не оказалось, свет был выключен, а дверь плотно закрыта. Девочка не смогла бы сказать, отчего проснулась, но вдруг до нее донесся грохот, за окном расцвели всполохи. У Тани от удовольствия сжалось сердце. Надо же, значит, ее день рождения еще не миновал! Ее ждет еще один сюрприз – мама с папой устроили фейерверк, а ей ничего и не сказали! Или родители исходили из того, что именинница и так проснется, услышав взрыв петард, и насладится незабываемым зрелищем?

Она подошла к окну, отодвинула занавеску – и снова услышала сухой треск и увидела яркие всполохи в сентябрьской ночи. Только отчего-то не на небе, а в парке, который окружал особняк.

В этот момент раздался звон, и Таня ощутила, как мимо нее что-то пролетело, обдав жаром и брызгами осколков, а стекло в окне отчего-то разлетелось.

И тут ей стало ясно: никакой это не фейерверк в ночи! Это звуки и вспышки выстрелов! Только что кто-то стрелял в ее окно и чуть было не попал в нее! А если бы попал...

Если бы попал, она была бы уже мертва.

Таня в страхе отпрыгнула в глубь спальни и пригнулась. И вовремя. Потому что и прочие окна в ее комнате стали разлетаться вдребезги – кто-то вел по ним прицельную пальбу из автоматического оружия.

Такое было знакомо Тане только по американским фильмам, которые она смотрела по телевизору. Но что подобное случилось по-настоящему, с ней самой, да к тому же в их огромном, отлично защищенном загородном доме... Нет, поверить в реальность происходящего решительно невозможно!

Но тем не менее это была ужасная правда. Звуковым оформлением кошмара стал треск лопающихся воздушных шариков, которые все еще оставались в ее спальне и теперь становились мишенями для пуль.

Да, ее десятый день рождения завершился – окончательно и бесповоротно. И, кажется, вместе с ним закончилось ее детство.

Девочка, испытывая ни с чем ни сравнимый ужас, собралась с духом и вспомнила, как повела себя главная героиня одного из заморских боевиков, когда оказалась в подобной ситуации. Она ничком распласталась на полу, прикрывая голову руками и не шевелясь.

Пальба продолжалась. И чем дольше длилась, тем яснее Тане становилось, что на дом совершено нападение. Кто же в состоянии учинить такое?

Ответ был очевиден: дядя Леня Чехарский. Еще бы, ведь он, уходя из особняка всего пару часов назад, произнес таинственную фразу «на войне, как на войне». А теперь она воплотилась в жизнь. Точнее, *в смерть*.

Осыпаемая осколками стекла, штукатурки и клочками обоев, сорванных со стен, Таня понимала, что одной пальбой дело не ограничится. Как и в том фильме, наверняка это только начало операции. Потом в дом нагрянут заказные убийцы, наемники в камуфляжной форме, которые добьют всех тех, кто сумел спастись от града пуль.

Таня по-пластунски поползла к двери. Потому что из комнаты надо было бежать, скрыться. Надо было, в конце концов, удостовериться, что с ее родными все в порядке.

А что, если...

Что, если кто-то из них стал жертвой смертельного огня? Думать о подобном не хотелось. А тут, как назло, откуда-то поблизости донеслись явные человеческие стоны и даже приглушенный крик. *Неужели это голос мамы?* Таня похолодела. И с утроенной скоростью поползла в сторону выхода.

Внезапно огонь стих. Пауза, заполненная непонятными звуками, была намного страшнее, чем треск автоматных очередей.

Дверь внезапно распахнулась, и на пороге появился отец. Схватив Таню, он вынес ее в коридор и, прижав к себе, пробормотал:

– Доченька, с тобой все в порядке? Ты цела?

Чувствуя, что на глаза накатываются слезы, Таня приказала себе быть сильной и не выказывать эмоций. В конце концов, она уже большая, ей только что исполнилось десять!

– Да, папочка, все в порядке. Не беспокойся, меня не задело. А как ты, как мама?

И только сейчас она заметила, что руки отца были в крови – в его собственной или в чужой? *Неужели...*

– Маму задело, – произнес Михаил Волков странным тоном, – ей надо как можно быстрее в больницу. Но ты не беспокойся, все будет хорошо! Я тебе обещаю!

Пальба возобновилась и продолжалась несколько долгих минут. Отец прикрывал Таню своим телом, а девочка, глотая слезы, обращала свои наивные молитвы ко всем, от кого зависело происходящее, прося только об одном: чтобы с мамой ничего плохого не случилось, *чтобы она выжила...*

Снова невыносимая пауза, сопровождаемая топотом и криками где-то внизу, в районе центрального входа. Таня смотрела вверх, на потолок, на котором мерно раскачивалась, сияя раздробленными стекляшками, огромная драгоценная люстра из муранского стекла.

Около них появился один их телохранителей отца, протянувший Михаилу Волку пистолет и произнесший:

– Беда! Кто-то запустил их на территорию поместья, потому они и миновали беспрепятственно все препоны. Явно знали коды сигнализации и место расположения камер наблюдения!

Отец взял пистолет, щелкнул предохранителем и распорядился:

– Чех пошел в атаку. Не теряет времени, мерзавец! Ну ничего, я с ним лично рассчитаюсь. Позаботься о Тане. Головой за нее отвечаешь! Доставь ее в подвал, в «тревожную комнату».

А затем, едва коснувшись губами волос дочери и передавая ее телохранителю с рук на руки, Волк добавил:

– Таня, я с этим разберусь. Но тебе надо к маме. И к тете Нике. А я с моими людьми и с Димой проучу Чеха. Да так, что запомнит до самой смерти. Причем очень скорой.

– Папочка... – начала сдавленно Таня.

Но отец, не обращая внимания на ее слова, уже отправился куда-то вперед. А потом по всему дому вдруг погас свет.

Девочке сделалось страшно. Ужасно страшно.

Телохранитель отца понес ее куда-то вниз. Таня знала, что такое «тревожная комната», тоже видела в одном из голливудских триллеров. В фильме это была отлично защищенная, бронированная комната, некое подобие огромного сейфа, расположенного в подвале и защищенного металлом, бетоном и современной электроникой. Семейство героя укрылось в персональном бункере после того, как на дом напали бандиты.

Когда оказались на первом этаже, Таня заметила странные красные лучи, взявшиеся из ниоткуда и пронизавшие темноту. Телохранитель несколько раз выстрелил в разные стороны, послышался сдавленный стон, затем звук падения человеческого тела. В них тоже начали стрелять.

До Тани донеслось тихое проклятие телохранителя, и она поняла, что его тоже задело. Однако мужчина упорно шел к своей цели, и наконец они спустились на нижний, подвальный, уровень. Миновав комнаты, в которых находились стиральные машинки и сушилки, попали в небольшое помещение, освещенное тусклым светом – видимо, оно обеспечивалось электроэнергией от автономного, спрятанного где-то под землей генератора. Таня увидела массивную дверь во всю стену – это и был вход в «тревожную комнату».

До сего момента она была здесь всего один раз. Воображение рисовало в ее мозгу некое подобие таинственного военного бункера, а в итоге Таня тогда увидела обставленную, как и множество других, комнату, только без окон и с одной-единственной бронированной дверью. Ну, и с мониторами, по которым можно было наблюдать за происходящим по всему дому.

Отец строго-настрого запретил дочке распространяться о наличии «тревожной комнаты», и Таня придерживалась его приказа. Но сейчас внезапно вспомнила, что однажды все же проговорила и даже привела подругу, гостившую в особняке, в это подвальное помещение, в котором находился вход в «тревожную комнату». *Это подругой была Таня Чехарская.*

Телохранитель остановился и громко произнес:

– Я с Таней. Распоряжение босса – ей тоже надо спрятаться в «тревожной комнате». Прошу вас открыть дверь!

Через пару мгновений раздался еле слышный щелчок, и огромная металлическая створка, походившая на дверь в банковском хранилище, отошла в сторону. Из-за нее вышла тетя Ника, сестра отца, которая поцеловала Таню и поинтересовалась, все ли с ней в порядке.

Девочка указала на телохранителя, у которого была ранена рука. Тетя Ника предложила обработать ее, благо что в «тревожной комнате» имелась целая аптека, но мужчина отрицательно качнул головой и сказал, что отправится на поверхность.

– Снова запритесь и никому не открывайте! – произнес он напоследок. – Тот, кто знает, как войти вовнутрь, сам туда войдет. Все остальные – ваши враги.

Он сделал шаг назад, а Таня прошептала:

– Спасибо вам!

Телохранитель обернулся:

– Запомни, Таня, что бы ни случилось: у тебя отличный отец. Я горжусь тем, что он мой босс.

Мужчина ушел, и в этот момент свет и в подвальном помещении тоже погас. Значит, поняла Таня, нападавшие добрались и до автономного генератора. Только вот откуда они знают, где тот располагается? Похоже, у них есть план всего особняка, даже самых секретных его коммуникаций...

Тетя Ника быстро втощила Таню в «тревожную комнату», захлопнула дверь и всхлинула.

– Танечка, мне страшно, очень страшно... Господи, да ты вся в крови! Ну почему все так ужасно?

Таня удивилась: ну надо же, тете Нике двадцать четыре года, а ведет она себя, как глупая девчонка.

– Я же сказала, тетя Ника, со мной все в порядке, это чужая кровь, – ответила девочка, осматриваясь в бункере. – А где мама?

Сестра отца махнула рукой куда-то в сторону, и Таня перешла из главной комнаты в смежную, поменьше. Там, на диване, лежала мама. Заметив, что грудь ее залита кровью, а глаза закрыты, девочка бросилась к ней, залепетав:

– Мамочка, мамочка, пожалуйста, не умирай!

Веки Маргариты Волковой дрогнули, женщина открыла глаза и слабо улыбнулась.

– Татьяна, как ты могла такое подумать? Я еще намерена присутствовать на твоей свадьбе и нянчить внуков! – сказала она строго. Однако, судя по гримасе боли, искажившей бледное лицо, каждое слово давалось ей нелегко.

Обвив шею мамы руками, Таня поцеловала ее, с большим трудом сдерживая слезы. Не хватало еще зареветь, как белуга! И это с учетом того, что мучиться приходится не ей самой, а маме. Хотя это и было ужаснее всего...

– Тетя Ника, вы же учились на медсестру, сделайте маме перевязку! – крикнула Таня.

Она вернулась в большую комнату и увидела тетку, сидевшую на полу и таращившуюся на мониторы, ряды которых были укреплены на одной из стен. Большая часть экранов или не светились вовсе, или на них рябил «снег». Мерно раскачиваясь из стороны в стороны, девушка грызла ноготь большого пальца.

– Тетя Ника, придите в себя! Сейчас не время впадать в транс! – заявила сурово Таня и изо всех сил тряхнула ее за плечи, а та вдруг обхватила девочку руками и, орошая ее слезами, запричитала:

– Танюша, страшно же как, прямо жуть! Разве я могла вообразить, что так получится?

Таня оторвала от себя цепкие руки тетки и ответила:

– Никто не мог вообразить. Но вышло так, как вышло, ничего уже не поделать. Запомните, что там, наверху, мой брат и ваш племянник, а также мой отец и ваш старший брат. И, конечно же, те славные люди, которые нас защищают. Нам тут бояться нечего, сюда никто не проникнет. А вот им не позавидуешь...

В этот момент еще несколько экранов отключилось. Да, тот, кто пытался захватить особняк, явно знал, что делать.

– Тетя, помогите же маме! – толкнула Нику Таня. – Ну, не сидите сиднем!

Девушка неловко поднялась и поковыляла в другую комнату, где располагались туалет и душ, а также имелся шкаф с медикаментами.

Время тянулось невозможно долго. Таня подумала о том, что отец или кто-то из его людей наверняка сообщили о нападении в милицию. Почему же до сих пор никто не едет и не помогает отразить нападение бандитов?

Наверное, дядя Леня Чех и об этом позаботился – устроил, чтобы звонок из особняка игнорировался. Или чтобы милиционеры ехали сюда три часа... Или еще что-то в таком роде...

Таня заглянула в большую комнату и увидела, что мама находится в полузабытьи. Присела около дивана на пол, взяла ее руку и прижала к своей щеке. Было совершенно ясно – раненой срочно требуется врач. Потому что на свежей белоснежной повязке, укрепленной у нее на груди тетей Никой, проступало новое кровавое пятно.

– Мамочка, я так тебя люблю! – произнесла Таня. – И день рождения был необыкновенный! Это ты его организовала, а я даже не поблагодарила тебя толком...

– Таня, не обращай со мной, как с умирающей, – раздался тихий, но отчетливый голос мамы. – Я же сказала, что намерена нянчить внуков... Пить, как же хочется пить...

Таня быстро поднялась на ноги и положила руку на лоб мамы – тот полыхал. А раненая уже снова потеряла сознание. Девочка побежала в просторную кладовку, где имелись запасы и воды, и продуктов, которых хватило бы на недели, если не на месяцы...

Вернувшись в центральную комнату, она заметила, что мониторы погасли все, кроме одного в нижнем ряду. Тетя Ника, стоявшая около него, в ужасе взирала на вооруженных людей, толпившихся в небольшом помещении. И Таня поняла, что это было то самое помещение, в котором находился вход в «тревожную комнату». То есть от нападавших их разделяли только стены и бронированная дверь.

Тут дядя Леня Чех, облаченный в камуфляжную форму и бронированный жилет, выступил вперед и произнес:

– Вот мы и добрались до вас, мои красавицы. Ну, открывайте, поговорим по душам.

Его голос, лившийся из динамиков, звучал глухо, но Таня уловила издевательскую интонацию.

Заметив на стене красную кнопку с надписью «Связь с коридором», она нажала ее и крикнула:

– Ни за что!

Дядя Леня откровенно ухмыльнулся:

– Танечка, это ведь ты говоришь? Какой благородный ответ... И какой глупый! Сразу видно, что ты дочка идиота Миши Волка. Однако я хочу услышать не тебя, а Нику. Эй, красавица, тебе ведь нравилось стонать подо мной... Давай, делай сейчас то, что приказано, открывай!

Таня в недоумении уставилась на тетку, по щекам которой текли слезы. *И все моментально встало на свои места.* Вот он, предатель, точнее, предательница! Дяде Лене Чеху удалось перетянуть тетю Нику на свою сторону. Сестра отца стала его любовницей. Наверное, даже влюблена в этого изверга, а тот использовал ее только для того, чтобы она сдала ему коды сигнализации и план особняка...

– Мы так не договаривались, Леонид... – слабым голосом произнесла, нажав красную кнопку, Ника. – Ты же ничего не говорил о нападении, уверял, что никому не причинишь вреда...

– Вот дура! – расхохотался дядя Леня. – Неужели поверила мне? За то, что я тебя ублажал, ты была готова сделать все, что угодно... Говорю же, дура дурой!

Он был прав, тетка настоящая дура. Таня сжала кулаки и хотела даже броситься на нее. Но что это даст? Ничего, после того, как все закончится, папа ее накажет, невзирая на то, что Ника его сестра. *Безмозглая младшая сестра...*

– Сюда вам не пробраться! – крикнула Таня, нажав кнопку внешней связи. – И мой папа вас в лепешку раскатает...

Дядя Леня Чех снова расхохотался.

– Да что ты говоришь? А может, мы его в лепешку раскатаем? Кстати, уже раскатали, Танюша. Потому что твой папочка лежит на лестнице с дыркой в голове. Показать тебе его?

Таня оцепенела, а Ника забилась в истерику. Не выдержав, Таня оттолкнула тетку от двери и от себя, брезгливо вытерла руку о свою испачканную кровью и пылью ночную рубашку, крикнула на нее:

– Тетя, замолчите!

Девочка лихорадочно соображала. Дядя Леня Чех говорит правду или нет? Возможно, блефует, и папа все еще жив.

– Хотя нет, труп мы сюда тащить не станем, ведь твой папаша, Танюша, был весом как хороший кабан. А вот кого мы тебе покажем, так это кронпринца, твоего братца. Где мальчишка?

Люди Чеха подтолкнули к камере Дмитрия. Подросток был весь в крови, однако держался уверенно и бесстрашно.

Схватив его за волосы, дядя Леня Чех прошипел:

– Танечка, смотри, это ведь твой братик. Пока что живой. Но ведь может стать мертвым и отправиться вслед за своим папаней. Прямо на твоих глазах! Но если ты откроешь дверь, то, так и быть, пощажу вас. Зачем вы мне? Угрозы больше не представляете, так что правда отпущу...

Говоря все это, мужчина приставил к голове Димы пистолет.

– Таня, не слушай его, папа жив! – крикнул подросток. – И он вас спасет! Не открывай дверь, что бы этот гад ни сделал! Даже если в меня стрелять будет! Потому что он всех вас все равно...

Чех ударил его рукояткой пистолета по голове, и парень свалился на пол. А дядя Леня злобно произнес:

– Какие вы, однако, Волковы говорливые. Думаете, я просто угрожаю? Нет, не просто! Итак, считаю до трех, в потом стреляю мальчишке... Куда бы ему выстрелить? Так и быть, сначала в правое колено, начнем с этого... Итак, раз...

Таня знала, что дядя Леня Чех не шутит. И что он в самом деле может выстрелить в Диму. Разве можно допустить это? Но брат же приказал ни за что не открывать дверь... Если бы речь шла только о ней самой, однако ведь в «тревожной комнате» еще дура тетя Ника и раненая мама...

Мама, в которую дядя Леня Чех был когда-то безнадежно влюблен, и которая предпочла ему папу...

– Два! – донесся до нее размеренный голос бывшего друга отца. – Два с половиной... И, наконец...

Еще до того, как Таня приняла окончательно решение, тетя Ника, которую девочка на мгновение упустила из виду, метнулась к пульту управления дверным механизмом – и нажала на кнопку. Таня ринулась туда же, однако было поздно. Послышался знакомый тихий щелчок, дверь отошла, и тотчас несколько рук начали с силой открывать ее.

Секундой позже бункер оказался полон вооруженных людей. Дядя Леня Чех, сунув одну руку за пояс, на котором покачивалась кобура, а в другой держа пистолет, скрипя армейскими сапогами, подошел к брыкающейся Тане, которую удерживали двое боевиков.

– Эх, Танечка-Танюша... – с притворной скорбью вздохнул он. – Какая же ты строптивая и воинственная. Но мозгов ни на грош. Этим ты и отличаешься от моей Тани. Дочка в миллион раз умнее тебя!

Он слегка склонился перед плененной девочкой, да так, что девочка могла ощущать запах табака и мужского одеколона, шедший от него. Тогда Таня смачно плюнула ему в лицо, причем так удачно, что большой шматок слюны повис на щеке дяди Лени Чеха.

Один из его людей услужливо подал салфетки, и дядя Леня смахнул слюну. А потом, развернувшись, наотмашь ударил девочку. Потом еще раз. И еще.

Боль обожгла голову, из разбитой губы потекла кровь, но Таня не издала ни звука. Нет, такого удовольствия она врагу своей семьи не доставит!

– Идиотка ты, Танюша! – прошипел дядя Леня Чех, взрослый мужик, для которого было нормально избивать удерживаемую его головорезами десятилетнюю девочку. – Хотел ликвидировать тебя быстро и безболезненно, но, вижу, придется проучить. Кое-кто из моих славных ребят сможет научить тебя прелестям секса до того, как ты в мучениях сдохнешь...

– Леня, нет! – закричала тетя Ника. – Прошу тебя, ты же обещал, что никому не причинишь вреда...

Чехарский переключил свое внимание на нее.

– Я же сказал, идиотка, что обманул тебя. Для этого, собственно, и трахался с тобой.

– Оставь девочку в покое! – всхлипнула Ника. – Она ни в чем не виновата! И ты обещал, что женишься на мне... Что мы будем счастливы...

– Она – дочь Миши Волка, и этого уже хватит, чтобы ее хлопнуть. Мне отпрыски-мстители не нужны! – скривился дядя Ленья. – Как, впрочем, и тупоголовые шлюхи-предательницы, которые ради секса готовы продать с потрохами родного брата.

Едва договорив, он, не глядя, выстрелил. Таня закричала, на мгновение закрыла глаза, а когда открыла их, увидела, как люди дяди Лени Чеха утаскивают в угол и бросают там недвижимое тело тети Ники.

– А теперь вернемся к тебе, Танюша, – сказал убийца, поднося к ее лицу горячее дуло пистолета. – Ты видишь, я отнюдь не шучу. Но, в отличие от твоей тупой тетki, тебе, как уже было сказано, придется помучиться. Хотя имеются еще твоя мамаша... и твой брат... И они могут очень сильно помучиться перед смертью...

Бандит Чехарский ухмыльнулся, и Таня поняла: он выиграл. Потому что она не имеет права рисковать жизнью мамы и Димы.

– Многого от тебя не требуется, – продолжал дядя Ленья. – Пойдешь с моими людьми и скажешь в мегафон то, что прикажут – послание для твоего папани.

Значит, папа жив! Негодяй нагло врал, уверяя, что он мертв!

И тут до Тани дошло: этот гад хочет использовать ее в качестве приманки, чтобы поймать отца. Поймать и убить. В том, что дядя Ленья Чех намеревается убить всю их семью, Таня уже не сомневалась. Ее взгляд наткнулся на бездыханное тело тети Ники, из-под которого вытекала кровь, и из груди вырвался вздох: что ж, начало уже положено.

– Ты ведь сделаешь то, чего я хочу? – спросил враг отца и ее враг.

И Таня безмолвно кивнула. А что еще ей оставалось?

– Отлично, девочка! – Дядя Ленья Чех потрепал ее по щеке. – А теперь посмотрим на твою мамашу. Ах, Марго, Маргоша, королева моего сердца! Могла бы стать королевой Москвы, а со временем и всей России. Хотя бы криминальной. Ан нет, предпочла мне этого выскочку Мишу Волка. И вот результат...

– Мама ранена, ей нужна медицинская помощь, – угрюмо произнесла Таня. – И если вы... – Тут она запнулась, но преодолев отвращение, все же продолжила: – Если вы любили ее... и любите до сих пор, то помогите ей.

Дядя Ленья вздрогнул, его лицо исказилось. Но это была не гримаса страха или отчаяния, а судорога триумфа.

– Маргошу ранило? Ну надо же! Стань она моей женой, такого бы точно не произошло. А Миша Волк не смог защитить ни жену, ни дочку с сыном, ни свою туповатую, охочую до секса сестренку. Что за семейка, право! Сплошные моральные уроды!

– Босс, баба там. В самом деле вся в крови и без сознания. Но еще дышит, – доложил кто-то.

Дядя Ленья провел пистолетом по своей ширинке и с ухмылкой произнес:

– Маргоша без сознания? Значит, можно перед тем, как ее пристрелить, немного с ней развлечься. Как когда-то...

Бандит Чехарский развернулся, явно желая воплотить свой мерзкий замысел, но Таня отчеканила:

– Только попробуйте! Тогда я не сделаю того, чего вы от меня хотите.

Дядя Ленья повернулся, смерил ее взглядом и не без уважения отметил:

– Надо же, такая пигалица, а уже ставит условия. Из тебя, надо признать, Танюша, вышла бы хваткая бизнесвумен. Вся в мать, сразу видно. Ладно, так и быть, даю слово, что маманю твою пальцем не трону, если сделаешь то, что от тебя требуется. А на всякий случай она и твой брательник у нас в заложниках останутся...

Люди Чеха держали все еще находившегося без сознания и безвольно повисшего в их руках Диму. Тане показалось, что тот на секунду приоткрыл глаза, а затем снова быстро закрыл их. *Значит...*

Значит, Дима уже пришел в себя, но делает вид, что все еще в отключке. А следовательно, он что-то замышляет. Таня знала, что физические данные у ее шестнадцатилетнего брата, владеющего приемами восточных единоборств, отличные. У него наверняка есть план, как неожиданно напасть на людей Чеха.

И спасти маму, ее и отца.

Все эти мысли вихрем пронеслись в голове Тани, и ей стало ясно – главное в такой ситуации выиграть время. И выбрать для нападения наиболее подходящий момент. Так же, как это сделал мерзавец дядя Леня Чех.

Пока ей придется делать вид, будто она сотрудничает с напавшими бандитами. *А потом...* Что будет потом, девочка не знала, но была уверена: как и обещала мама, все завершится хорошо.

– Ну, вперед! – приказал своим людям дядя Леня. – Но смотри, Танюша, если взбрыкнешь, я забуду о своем слове. Пальцем, так и быть, не трону Маргошу, твою маманю, зато кое-чем другим...

Хохотнув своей гадкой шуточке, он дал девочке щелчок по носу, и его прислужники потащили ее из «тревожной комнаты».

В саду было прохладно, на небе ни звездочки – их закрывали набежавшие невесть откуда тучи.

К Тане подошел один из типов.

– Итак, скажешь своему папане следующее: «Папочка, милый, нам всем очень страшно. Дядя Чех обещал пустить меня, маму и Диму по кругу, если ты не сдашься. Умоляю тебя, сдавайся! Прямо сейчас! Если ты не сделаешь этого, то ты будешь кошмарным отцом и ужасным мужем. Мама тебя всем святым закликает сложить оружие. Сдайся, прошу тебя, сдайся!» И старайся, чтобы голос звучал как можно жалостливее и испуганно.

Мужчина подсунил к ее лицу мегафон, предупредив:

– Я буду подсказывать тебе слова. Учти, Танечка, если понесешь отсебятину, то всем, кто остался в подвале, придется очень плохо! Ну, приступай! «Папочка, милый, нам всем очень страшно...»

Таня вздохнула и произнесла вслед за ним в мегафон:

– Папочка, милый, нам всем очень страшно...

Ее голос, в самом деле испуганный и дрожащий, разнесся по парку. Наверняка его было слышно и в доме.

– «Дядя Чех обещал пустить меня, маму и Диму по кругу, если ты не сдашься», – подсказывал тип.

Таня повторила и эту фразу, а затем замолчала.

«Умоляю тебя, сдавайся!» – приказал ей произнести бандит.

Таня все молчала, и бандит грубо ткнул ее в плечо кулаком, а затем ударил по лицу. – Ну, маленькая тварь, говори, что нужно! Иначе в самом деле сейчас пустим тебя по кругу!

– Умоляю тебя, папочка... – начала Таня и запнулась.

Подручный Чехарского, схватив ее шершавой рукой за подбородок, прошипел:

– «Сдавайся!» Говори, чтобы он сдался! Слышишь, маленькая тварь?

– Не сдавайся! Ни за что! Потому что нас все равно убьют! Они уже застрелили тетю... – выпалила Таня, но договорить не успела, потому что мужчина отвел от ее лица мегафон, а затем со всей силы ударил по голове, потом в грудь, в живот. Девочка не в состоянии ни вдохнуть, ни выдохнуть, осела на траву.

– Волк, твоя дочурка у нас! Мы можем сделать с ней все, что угодно! – проорал бандит в мегафон. – Выходи с поднятыми руками! Иначе...

Ответом ему были несколько выстрелов, последовавших откуда-то со стороны темного дома. Раздались булькающие звуки, и тип с мегафоном стал оседать на траву. Превозмогая боль, Таня засмеялась. Вот ведь папка молодец! Он их спасет, он их в беде не бросит...

Люди Чеха открыли ответную пальбу по особняку, затем потащили Таню обратно в дом. Когда все оказались в огромном холле, один из бандитов скомандовал:

– Девчонку вниз, в подвал, к боссу! Он сам решит, что делать с маленькой тварью. Выстрелы были из северного крыла. Немедленно послать туда трех человек!

Бандиты были в панике, их внимание ослабло, поэтому Таня, изловчившись, впилась зубами в руку ближайшего к ней. Дядя взвыл, выпустил ее – и девочка метнулась к лестнице, что вела на второй этаж.

– Стоять, иначе убью! – заорал укушенный.

Таня молнией летела по лестнице, но вдруг налетела на что-то, точнее, на *чей-то труп*. Споткнувшись, она упала на ступеньки, и бандит с пистолетом нагнал ее, схватил.

– Вот ведь какая ты мерзавка! Чтобы ты нам больше не мешала, прострелю тебе плечо. Но убивать не буду, потому что ты своему папане ой как дорога, и тебя еще можно использовать в качестве козыря...

Негодяй ткнул дулом в плечо девочки, та зажмурилась, приготовившись к всплеску боли, раздался выстрел, потом еще один... Но ничего не произошло. Потом еще один. Таня осторожно открыла глаза и увидела, как бандит катится по лестнице вниз, а рядом стоит брат, сжимающая в руке дымящийся пистолет.

– Димочка! – прошептала Таня. – Тебе удалось уйти? А как мама, с ней все в порядке?

– Она все еще у них, – вздохнул брат, ставя ее на ноги. – Но хуже всего то, что я стрелял в Чеха и промахнулся. Ладно, наверх идем. Идем!

Он потащил ее за собой. Когда поднялись на второй этаж, заметили на полу еще одно бездыханное тело.

– Димочка, папа в северном крыле, бандиты туда людей послали... – прошептала Таня, явно намереваясь повести брата туда.

Но тот ткнул пистолетом в первую попавшуюся комнату и сказал:

– Спрячься там!

– Но, Дима, я не могу бросить тебя и папу... – начала Таня. Однако быстро поняла, что канючить не имеет смысла. Поэтому шмыгнула в комнату, оказавшуюся ее собственной спальней.

– Спрячься под кроватью или в шкафу и никуда не уходи, – приказал брат. – Мы с папой тебя заберем.

Юноша быстро прижал сестру к себе, а потом исчез в темноте.

Таня хотела было последовать за братом, но поняла, что это верх абсурда. Ей, десятилетней девчонке без оружия, ввязываться в войну мужчин с автоматами? Она вспомнила о трупах, что лежали в доме, и о судьбе тети Ники. Впрочем, последнюю ей было не жаль. Разве что чуточку. Та ведь сама виновата в произошедшем!

Забравшись под кровать, Таня затаилась. И тут на нее накатили слезы. Ну да, тетя Ника была предательницей и неисправимой идиоткой, но теперь-то она мертва! И почему все так случилось...

Вдруг дверь в ее комнату тихонько отворилась – и Таня услышала, что внутрь кто-то вошел. Девочка заликовала, думая, что это Дима или папа, или даже оба *сдержали слово и пришли ее спасать*.

Она собралась вылезти из-под кровати, но вдруг рассмотрела, что на том, кто сейчас находится в спальне, армейские сапоги. Таких не носил ни папа, ни Дима, ни кто бы то ни было из телохранителей.

– Танечка, я ведь знаю, что ты здесь! – раздался голос дяди Лени Чеха, и Таня окоченела от страха. – После того как мы проникли в «тревожную комнату», мои ребята наладили работу камер, установленных по всему дому, и я видел, как твой братец отвел тебя сюда, прежде чем сам отправился на подмогу вашему неразумному папаше...

Говоря это, бандит обыскивал комнату. Вжавшись в пол, Таня замерла под кроватью, больше всего боясь чихнуть или издать непроизвольный сдавленный крик.

– Рассказать, что я сделал с твоей мамашей, моей некогда любимой Марго? Конечно, десятилетним девочкам такое знать не следует, но тебе, так и быть, скажу: я со вкусом ее трахнул. Как уже когда-то. Сопротивляться она все равно не могла, так как валяется без сознания. Убивать ее я не стал, потому что с ней как раз сейчас развлекаются мои ребята.

Таня беззвучно заплакала, запихнув в рот кулак и вцепившись в него зубами. Говорил ли этот гад правду или, как в случае с гибелью отца, нагло врал, пытаясь спровоцировать ее на необдуманный поступок и выдать себя?

До слуха доносился скрип сапог и стук открываемых дверец шкафов. Дядя Леня Чех методично искал ее, наверняка желая взять в заложницы и вынудить папку и Диму пойти на уступки. Но это значило, что ситуация у мерзавца не такая уж и хорошая. Вернее даже, аховая. Потому что, несмотря на численный перевес команды его головорезов и на фактор неожиданности, которым сопровождалось ночное нападение, время работало теперь против него.

Ибо рано или поздно сюда должна прибыть милиция. Пусть даже звонки из их особняка и блокировались или игнорировались, но ведь имелись перепуганные соседи. А среди них имелись весьма и весьма солидные и влиятельные люди, которые наверняка уже подняли тревогу. И их звонки и требования так просто не отметишь...

Кроме всего прочего, бойня в доме длилась уже около часа, что для подобных операций, как подозревала Таня, очень и очень долго, а требуемого результата дядя Леня Чех до сих пор не достиг. Вот он и решил, наверное, унести подброду-поздорову ноги, прихватив парочку заложников, чтобы позднее было проще торговаться с папкой.

Снова послышался голос этого негодяя.

– Если ты сейчас немедленно выйдешь из своего убежища, то, так и быть, оставлю твою мамочку в живых. Вот прямо сейчас по рации прикажу своим ребятам оставить ее в покое. Ведь ее можно еще спасти, если поскорее передать в руки медиков. Ты хочешь, чтобы твою мамочку спасли, Танюша? Ты же не желаешь ей смерти? Знаю, не желаешь! Иначе всю жизнь потом будешь себя винить, что стала причиной смерти родной матери. Так что выходи – она останется в живых. Ну, где ты?

Девочку пронзила ужасная мысль – мамы, возможно, уже нет в живых. Или, даже если еще жива, спасти ее дядя Леня Чех явно не намеревается. Он просто брал Таню на понт, стараясь выманить и заполучить в заложницы. А значит, выползть из-под кровати смысла не имеет.

Но вдруг мерзавец говорит правду, и еще имеется шанс спасти маму?

Таня колебалась, не зная, что и делать, как вдруг до нее донесся восторженный вопль дяди Лени Чеха.

– Ах, вот ты где спряталась, чертовка! Ну и отлично: выходи сама. Или мне тебя вытащить?

Не понимая, что имеет в виду мужчина, Таня затаилась. А потом услышала скрип открываемой дверцы, шуршание – и стук чего-то твердого об пол. Из ее укрытия было видно, что на полу лежит кукла – та самая, в человеческий рост, подарок брата Димы. Видимо, в темноте дядя Леня Чех и принял куклу за нее саму, спрятавшуюся в шкафу.

– Ага, попалась! Только не притворяйся мертвой, все равно не поверю. Давай, вставай, маленькая тварь!

Он пнул куклу ногой и, заслышав целлулоидный звук, вдруг осознал свою ошибку.

– Ох ты, промашка вышла, это кукла. Однако все равно ты где-то здесь. И раз не в шкафу, значит... под кроватью!

Таня оцепенела, наблюдая за тем, как приближаются армейские сапоги. Еще мгновение, бандит обнаружит ее, и тогда...

– Стоять и не двигаться! – прозвучала вдруг команда. – Или пристрелю, как шелудивого пса! Оружие осторожно положите на пол и швырните ко мне. Ну, или, может, мне сделать дырку у вас в коленке?

Это был голос ее брата Димы! Таня не смогла сдержать вздоха облегчения.

– Эй, шенок, ты поосторожнее с оружием! – испуганно воскликнул дядя Леня Чех. – Ты что, совсем сдурел?

– Это вы сдурели, раз решили, что нападение на наш дом сойдет вам с рук! Сейчас папа подойдет, и тогда решим, что с вами делать. Таня, ты ведь здесь? Выходи, опасность миновала!

Таня вылезла из-под кровати и увидела дядя Леню Чеха, осторожно опустившего пистолет на пол и толкнувшего его по направлению к Диме, который стоял у двери, направив на него оружие.

– Дима, ну что ты в самом деле? – произнес бандит. – Мы же свои люди, договоримся...

– С вами мы договариваться ни о чем не будем, – холодно ответил юноша. – Таня, иди ко мне. С тобой все в порядке?

Таня, кивнув, ринулась к брату и спряталась за его спиной. Затем увидела куклу, подарок Димы, которая с неестественно вывернутой шеей, раскинув руки, лежала на полу.

– Считаешь себя победителем? – вздохнул дядя Леня Чех. – Однако это не так, мальчик. Потому что никто вам на помощь не придет. У меня все схвачено. Да и не посмеешь ты ничего сделать...

Прогремел выстрел, дядя Леня охнул и схватился за ухо. Таня заметила, как между пальцев у него заструилась темная жидкость – *кровь*.

– Щенок, ты мне ухо отстрелил! Да я тебя...

– Еще один шаг, дядя Леня, и я отстрелю вам кое-что другое, – произнес Дима. – Убедились теперь, что не шучу?

Стоя за спиной брата, Таня ощущала, как страх начинает уступать место радости. Вот ведь, дядя Леня Чех считал себя могущественным и хитрым, и надо же, так просчитался...

– Таня, возьми пистолет! – приказал брат.

И девочка без колебаний подошла к оружию, которое только что держал бандит, подняла его. Ой, какое же оно тяжелое...

– Ты помнишь, чему я тебя учил? – спросил Дима сестру.

Таня кивнула. Как-то брат пытался обучить ее стрельбе. А также тому, как обращаться с огнестрельным оружием. Она потянула на себя предохранитель – тот на удивление легко сдвинулся с места.

– Выше, держи пистолет выше! Целься этому типу прямо в голову! – скомандовал Дима, имея в виду дядю Леню. – Палец на спусковом крючке?

– Да, – ответила Таня, ощутив изогнутый кусок металла.

Дядя Леня, на лице которого застыло странное выражение, стоял перед ними, нелепо задрал руки.

– Эй, ребята, вы чего... – произнес он.

В этот момент в дверном проеме показалась фигура. Дима быстро направил на нее пистолет, а дядя Леня попытался прыгнуть на Таню, но та не растерялась и спустила курок. Грохнул выстрел, и дядя Леня опять взвыл. Пуля угодила ему в плечо.

Таня по инерции еще раз нажала на «собачку», но раздался только сухой щелчок. Значит, патроны в обойме закончились. Впрочем, это было не так важно, потому что у Димы тоже имелся пистолет – заряженный.

Вошедшим оказался один из телохранителей отца.

– Михаил Степанович сейчас подойдет, с ним все в порядке, – сообщил он.

Дима, кивнув, снова наставил пистолет на скрючившегося дядю Леню.

– Я же твой крестный, Танюша, а ты чуть меня не убила... – прохрипел тот, на что Дима ответил:

– Ага, крестный, который устроил разбойное нападение на наш дом. Хорош, нечего сказать...

Таня не испытывала к бывшему другу отца ни малейшей жалости. Но была рада, что попала ему в плечо. Потому что если бы угодила в голову... Ничего, все вот-вот должно закончиться, потому что папа на подходе, и с ним все в порядке.

– Чувствуешь себя победителем, мальчик? – произнес с какой-то непонятной интонацией дядя Леня Чех. – Думаешь, ты и твоя сестренка прижали меня к ногтю?

– А что, разве нет? – ответил надменно Дима. – От каждого из нас вы получили по пуле и получите еще по одной, если сдвинетесь на миллиметр. Или все еще думаете, что мы шутим?

Дядя Леня, скривившись от боли, оторвал руку от головы, и Таня увидела, что та вся в крови. Из простреленного плеча тоже сочилась кровь.

– Нет, не думаю, мальчик. Знаю, что вы, волчата, жалости не ведаете. Что ж, папаша-волк отлично вас выдрессировал. Поэтому мне с самого начала было понятно, что оставлять вас в живых нельзя. Если уже вы сейчас, в столь нежном возрасте, представляете большую опасность, то какими станете, когда подрастаете? Вас надо уничтожить – всех скопом!

Дима усмехнулся.

– Бред на фоне болевого шока? Это не вы нас, а мы вас уничтожим, причем, конечно, только вас, вашу дочь никто не тронет. Пускай катится на все четыре стороны! Потому что только вы воюете с детьми и женщинами.

Чехарский снова скривился.

– Кстати, а что ж ваш папаша задерживается? Надеется, он вас спасет? А я вот так не думаю...

От его слов у Тани отчего-то на душе сделалось очень и очень тревожно. С чего вдруг бандит, на которого направлены целых три пистолетных дула, ведет себя так вызывающе?

– Я не надеюсь, а знаю! – отчеканил Дима.

Теперь усмехнулся дядя Леня:

– Ты, мальчик, слишком самоуверен и глуп. Прямо, как твой отец, Миша Волк. Потому что все дело не в силе, а в хитрости. И важен не численный перевес, а, к примеру, свои люди в стане врага. Те люди, которые способны спасти в безвыходной, казалось бы, ситуации...

Возникла секундная пауза. Краем глаза Таня увидела, как Дима, о чем-то мучительно размышлявший, вдруг начал разворачиваться в сторону телохранителя отца, стоявшего у него за спиной, но тут грянул еще один выстрел.

Только его произвел не Дима, а именно телохранитель, целившийся не в дядю Леню Чеха, а в юношу. Пошатнувшись и по-детски распахнув глаза, Дима стал валиться на пол, а Таня, словно зачарованная, смотрела на его развороченный висок.

Девочка завизжала, попыталась развернуться, чтобы выстрелить в охранника, оказавшегося предателем, но к ней уже подоспел дядя Леня. Бандит, несмотря на два ранения, без всякого труда скрутил ее и вырвал из руки и без того уже ни на что не годный пистолет с пустой обоймой.

Телохранитель, вытащив из руки упавшего на пол Димы пистолет, подал его Чехарскому. Тот, сильно сжав девочке шею, повернул ее лицом к телу брата и мерзким голосом произнес:

– Ну вот, видишь, что происходит с теми, кто в меня стреляет? А ты ведь тоже в меня стреляла, чертовка...

Таня попыталась сопротивляться, но подошедший телохранитель ударил ее, и девочка затихла.

– Что с Волком? – спросил дядя Леня Чех.

– Я его самолично пристрелил. Как вы и приказывали, – отрапортовал мужчина.

От этих слов Тане сделалось дурно. Она все еще не могла поверить, что Дима убит. И что папки тоже больше нет на свете.

– Я знал, что могу на тебя положиться! – похвалил подручного дядя Леня Чех. – Но хочу увидеть его труп собственными глазами и лично выстрелить ему в черепушку. Это доставит мне ни с чем не сравнимое удовольствие!

– А с ней что делать? – спросил телохранитель-предатель.

И дядя Леня, швырнув ему Таню, сказал:

– Конечно, пустить в расход. Руки так и чешутся отплатить этой твари за то, что плечо мне ранила, но некогда, взглянуть на труп Миши Волка для меня гораздо важнее. Избавься от нее сам.

Бандиты вышли из комнаты. Охранник, волоча Таню, кивнул в глубину темного коридора:

– Там он, в зимнем саду. Ну и что мне делать с тобой, девчонка? Пулю расходовать жалко, поэтому...

Когда Чехарский удалился, мужчина потащил ее к перилам, и Таня поняла: тот тип намерен просто спихнуть ее вниз, на пол первого этажа. Попытка вырваться ни к чему не привела, противник был намного сильнее. Телохранитель прижал ее к перилам со словами:

– Ты меня так бесила, Танюша, что я давно мечтал сделать это. Ну, отличного тебе полета, девочка...

– Оставь мою дочь в покое! – раздался твердый голос, а потом прогремел выстрел.

Таня почувствовала, что стальная хватка ослабла, она скользнула в сторону и – увидела стоявшего в коридоре папку.

Отец был жив! Конечно, жив! И как только можно было поверить в то, что он умер?

Телохранитель же, неловко согнувшись и уже не контролируя собственное тело, перевалился через перила и ухнул вниз – туда, куда только что хотел спихнуть Таню. Послышался глухой удар, сопровождаемый громким хрустом.

– Папа, папочка! – закричала Таня, бросаясь к отцу. Прижалась к нему – и вдруг поняла, что тот весь в крови. Девочка снова закричала, почти перекрывая звук грохнувшего в этот момент выстрела. И последовавшего за ним второго.

Отец повалился прямо на нее, не отскочи Таня в сторону так бы погреб ее под собой. Девочка видела, как он все еще жив, шевелится, даже пытается подняться, но у него это не выходило. Таня присела, пытаясь помочь, но тело отца было слишком для нее тяжелым. Да и движения с каждым мгновением становились все медленнее и медленнее.

Из темноты вышел дядя Леня Чех, державший в руке пистолет.

– Прямо настоящий Распутин, черт побери! – произнес он удивленно. – В него стреляют, а он продолжает идти и никак не хочет умирать. Ну ничего, мы это исправим!

Когда бандит навел на отца пистолет, Таня с криком бросилась к нему. Однако тот отшвырнул девочку ногой, а сам опять выстрелил. Отлетевшая к перилам Таня увидела, что голова ее папки превратилась в кровавое месиво, и в ужасе отвернулась.

Дядя Леня Чех подошел к трупу своего врага и, пнув его ногой, сказал с мерзкой ухмылкой:

– Но даже Распутина в итоге все же ухандокали. Как и тебя, Миша Волк, как и тебя! Покойся с миром, мой бывший приятель, надеюсь, в аду тебе понравится...

Рыча, Таня схватила пистолет отца и вновь ринулась на дядю Леню, но тот подставил подножку, и девочка растянулась на полу. Пистолет, вылетев у нее из руки, заскользил по паркету, а затем ухнул вниз.

– И что мне только с тобой делать, маленькая волчица? – спросил задумчиво дядя Леня, подходя и ставя ей на спину ногу в армейском сапоге.

Послышались голоса, на второй этаж поднялись люди Чехарского, сообщившие, что поместье полностью зачищено, сопротивление сломлено.

– Что с прелестной Марго? Отдала концы? – спросил дядя Леня.

– Еще нет, но вот-вот свернет ласты, – доложили ему.

Таня заплакала, а дядя Леня, грубо поддев ее сапогом, перевернул животом вверх и заговорил:

– Несчастливая Танечка, ты ведь теперь круглая сирота! Папку и братика твоих я пристрелил, мамашка вот-вот богу душу отдаст. Даже тетка, эта дурочка Ника, надеявшаяся на любовь со мной до гроба, сыграла в этот самый гроб намного раньше запланированного. Ну, остались еще, конечно, какие-то бабушки-дедушки, всякие кузины и кузены, но в криминальный бизнес они не завязаны, живут в провинции, для меня никакой опасности не представляют. А из ближнего круга, из всей волчьей стаи, осталась одна Танечка Волкова. Но и ты своих родичей переживешь ненадолго!..

Его речь прервало завывание приближающихся сирен. Дядя Леня недовольно поморщился:

– Что, менты прутся? Договоренность же была – звонки игнорировать и никого сюда не высылать.

– Наверное, соседи бучу устроили. Как бы ФСБ не подключили... – с опаской пробормотал кто-то из бандитов.

– Да хоть ЦРУ с Моссадом! – хохотнул дядя Леня. – У меня все схвачено, не то что у покойного Миши Волка, мир его праху. Не умел человек глобально мыслить и стратегически планировать. А я с любым начальством договорюсь, любого куплю, припугну или с дороги уберу. Мы всю эту бойню в доме Волковых спишем на чеченов или еще на кого. Надо же общественности виновных за смерть целого семейства презентовать. Не бойтесь, парни, у меня везде все схвачено!

Он снова пнул Таню и произнес:

– Девчонку отнесите на катер, с собой ее возьмем. Потом придумаю, что с ней делать. Однако не радуйся, Танечка, раньше времени. Даже если и переживешь эту ночь ужаса, потом будешь сожалеть, что не сгинула в родном доме вместе с папкой, мамкой и братиком. Потому что ведь от чеченов и прочих за то, что позволят вину на них повесить, придется откупиться. Деньги деньгами, наркота наркотой, а вот дополнительный подарочек в виде беззащитной десятилетней девочки, к тому же любимой дочурки Миши Волка, рассеет любые сомнения, позволит мне заключить выгодную сделку.

Таня безучастно слушала страшные откровения дяди Лени, и хотя до нее дошел смысл того, что тот затевает, несмотря на свой юный возраст, школьница отлично понимала, что те, к кому она попадет этой ночью или потом, сделают с ней что-то ужасное, а в результате рано или поздно убьют, но страшно ей не было.

Ее охватила странная апатия. Потому что дядя Леня Чех в итоге победил. Он всех купил, всех обманул, всех убрал со своего преступного пути. И теперь приберет к рукам империю своего бывшего друга и главного конкурента Михаила Волка. Потому этот бандит и убил ее отца, маму, брата и тетю. И готов убить ее – или отдать тем, кто причинит ей неопишуемые страдания.

Просить такого человека о пощаде бессмысленно. Хотя человек ли дядя Ленья? Вообще-то, да. Ведь у него тоже есть дочка, ведь он тоже кого-то любит. Но больше всего дядя Ленья ценит и любит власть, деньги и себя самого. Это-то и отличало его от Михаила Волкова, ее отца.

Неужели поэтому папка и умер, а дядя Леонид Чехарский восторжествовал?

Таня размышляла об этом, когда ее, поставив на ноги, заведя руки за спину и завязав запястья веревкой, куда-то потащили. Бандиты пересекли парк, спустились к реке. Там, покачиваясь у причала, стоял быстроходный катер, и пленницу сдали бандитам, находившимся на нем.

Те девчонку отвели в темную каюту с задраенными иллюминаторами, бросили в угол и ушли, заперев дверь. Таня попыталась привстать, но у нее не вышло. И она вдруг начала плакать, причем слезы из глаз не катились, оставались где-то внутри. Ее легкие душили рыдания, а тело ходило ходуном от судорог.

Она не знала, сколько времени прошло, потому что то и дело проваливалась в забытие. Вдруг дверь распахнулась, в лицо ударил яркий свет, и в каюту вступило несколько фигур, позади которых толпились другие.

– Вот и товар, – услышала Таня, жмурившаяся на бивший в глаза свет, торжествующий голос дяди Лени. – Видок, сам понимаешь, не самый презентабельный, однако с учетом ситуации вполне приемлемый.

К Тане приблизился крупный мужчина, и девочка ощутила на своем теле его жаркие похотливые руки. Она дернулась, и мучитель произнес с акцентом:

– Добро, Леонид. Вижу, что товар отличный. Только подумать, дочка самого Миши Волка! Но условия твои, конечно, безбожные...

– Ну так ведь я атеист, – весело ответил дядя Ленья Чех. – Как был им в советское время, так до сих пор и остался. Не понимаю я всей этой повальной воцерквленности. Потому что никакого загробного мира нет. Ни рая нет, ни ада. Надо поэтому брать от жизни по максимуму, причем, если ситуация того требует, любыми путями. Все равно никакого наказания за это после смерти не будет. А наказания при жизни всегда можно избежать!

Таня изо всех сил ударила ногой типа, который ощупывал ее, как кобылу на ярмарке. Тот поцокал языком и сказал:

– А девочка в самом деле персик! Точно такая, какую мой босс приказал найти. А то, что дочка самого Волка, вообще редкостная удача.

– И я о том же! – заявил дядя Ленья. – Так что, по рукам? Девчонка ваша, а за это не станете отрицать слухи, что устранение Миши Волка с семейством – ваше дело.

– По рукам, – кивнул тип и противно причмокнул.

– Тогда вперед и с песней! Пойдем звонить твоему боссу, хочу от него услышать последнее слово. А потом и официальную передачу товара осуществим, – заявил дядя Ленья.

Процессия удалилась. Таня снова очутилась в темноте. Внезапно дверь опять распахнулась, и девочка сжалась, понимая, что это не означает ничего хорошего. Потому что уже поняла, что именно ожидает ее, когда она окажется в руках человека с акцентом, шупавшего ее.

Но на сей раз вошедший был один. Почувствовав его приближение, Таня начала извиваться, не желая сдаваться без боя.

– Да тише ты! На, пей, – услышала она тихий голос, и невидимый человек сунул ей к лицу стакан.

Пить хотелось ужасно. Ой, а вдруг вода сдобрена наркотиком? Но еще не успев эту мысль додумать, Таня сделала глоток. Вода была холодная, вкусная, в ней не чувствовалось никаких примесей.

– Вот, вот, пей, не бойся. Я на твоей стороне, – продолжил голос. – Можешь верить мне, а можешь не верить, но это так. Потому что моя сестра попала в такое же положение. Только, увы, ей не повезло, меня не оказалось рядом.

Жадно глотая воду, Таня рассматривала того, кто пришел к ней в темницу. Это был подросток, наверное, ровесник ее брата Димы. *Ее покойного брата Димы...*

– Ты меня освободишь? – спросила она, с трудом шевеля распухшими губами. И услышала ответ:

– Во всяком случае, попытаюсь. Давай, развяжу тебя...

Освободившись, Таня тихо застонала: еще бы, ведь руки, заведенные за спину, сильно затекли. Она хотела отбросить веревку в сторону, но парень остановил:

– Нет, нет, не надо, иначе они сразу заподозрят неладное! Делай вид, что еще связана. И не пытайся бежать, когда придут за тобой, все равно ничего не выйдет. Мой тебе совет – прыгай в воду, когда тебя будут с одного катера на другой перетаскивать. И тотчас ныряй, уходи на глубину, чтобы под винты не попасть. Перед этим не забудь воздух в легкие побольше набрать...

Он начал массировать ее затекшие запястья, и Таня спросила:

– Почему ты это делаешь? Ты ведь один из них?

– Все мы «одни из них», – ответил резко подросток. – Так уж получилось, что я здесь. Мог бы оказаться среди людей твоего отца. А ведь он мне жизнь спас! Поэтому я тоже тебя спасу. Попытаюсь, вернее...

Где-то вдалеке раздались голоса, парень быстро поднялся, велел Тане забиться в угол.

– Как тебя зовут? – спросила она, когда ее спаситель уже закрывал за собой дверь.

– Не все ли равно? Мы ведь больше не увидимся. Удачи! – быстро ответил юноша и скрылся.

Через несколько минут в каюту снова ввалились люди дяди Лени, и один мужчина рывком поставил девочку на ноги. Таня, следуя советам своего безымянного спасителя, сцепила руки за спиной, всунув руки в петлю и придерживая веревку пальцами, чтобы не сползла.

– Пора, красавица, пора! – хохотнул бандит Чехарский, явно довольный только что заключенной сделкой. – Какие все же эти, с позволения сказать, джигиты тупые! Не в обиду им будет сказано. Ты, Танечка, так сказать, производственный брак, побочный продукт вполне удачной операции. По сути, тебе и жизни твоей грош цена, ан нет, я тебя сторговал втридорога. Джигиты мне тылы прикроют, на себя вину за нападение на ваш особняк возьмут. Но их ведь все равно ищи-свищи, а не найдешь. Я же выйду сухим из воды, приберу к рукам империю твоего папани и для всех останусь человеком, к бойне, в результате которой погиб Михаил Волков и вся его семья, никоим боком не причастный. Здорово задумано, да, Танечка? Даже из дерьма я сумел сделать бриллианты! Однако что-то я разговорился, «покупатели» заждались...

Он толкнул девочку вперед, в коридор. Тане так и хотелось завизжать, вцепиться дяде Лене в лицо ногтями, впиться ему зубами в глотку. Раз она волчица, так и должна вести себя соответствующе... Но это ничего не даст, вряд ли она сумеет причинить мужчине особый вред. Зато лишится преимущества, свободных рук, ее снова закуют в кандалы и тогда уж точно отдадут «покупателям».

А вот если у нее получится убежать... Хотя даже если и получится, то к кому она обратится? Ведь семьи у нее нет – *всех убил дядя Леня Чех*.

Но именно поэтому она должна выжить и найти выход из сложившейся ситуации. Ибо, будучи волчицей, дочкой Волка, должна покарать врага за то зло, которое тот причинил ее семье.

И пусть сейчас она измотана, истерзана, стала сиротой в десять лет, если удастся выжить, Таня сделает все, чтобы дядю Леню Чеха настигло законное возмездие.

Если удастся выжить...

Ее вывели на палубу. Уже светало, ночная тьма постепенно уступала место серому, сдобренному клубящимся туманом рассвету. Катер находился посредине реки, и к нему был пришвартован другой, на котором Таня увидела «покупателей».

– Вот и товар! – хохотнул Чехарский, легонько ударяя ее по затылку. – А у вас там купец!

Таня бросила прощальный взгляд на дядю Леню. Тот, несмотря на перевязанную голову и плечо, выглядел отлично и явно праздновал победу над низвергнутым врагом.

Туман, плотно стелившийся над водой, облегчал задачу Тани. Правда, она не имела представления, где именно находится. Возможно, ее подхватит течение и, закружив-замотав, утащит на дно. Не исключено, что ее затянет под винт и изрубит на куски. Существовала и опасность того, что «продавец» с «покупателем» откроют огонь – ведь оказавшись в воде, Таня превратится в живую мишень.

Девочка вспомнила поездку в позапрошлом году на далекий остров – это были упоительные десять дней вместе с отцом, мамой и Димой. Папка учил сына и дочь нырять с аквалангом, и она, вначале такая неуклюжая, в последний день, погрузившись в изумрудный океан, смогла насладиться удивительным подводным миром кораллового рифа.

Да и в бассейне Таня регулярно ныряла с трамплина и ничуть не боялась глубины.

Однако одно дело контролируемое погружение с аквалангом или водные процедуры и совсем другое – прыжок в реку в неизвестном месте с целью спастись от убийц и бандитов.

– Танечка, не хочешь мне сказать что-нибудь напоследок? – глумливо спросил дядя Леня Чех. – Нет? Да ты, деточка, язык от страха проглотила...

Ее потащили к борту, желая передать на соседний катер «продавцам». Девочка заметила среди людей дяди Лени подростка, того самого, который помог ей. Высокий, темноволосый, с пронзительными синими глазами, он, как и все остальные, был облачен в камуфляж. Встретившись с Таней взглядом, парень чуть заметно кивнул и еле заметно указал на борт катера, за которым мерно плескалась вода.

Вот, значит, кому она обязана... Только чем? *Жизнью*? А если ее при попытке к бегству убьют? Значит, она последует за папой, мамой и Димой. Что, тогда их семья воссоединится. Это ведь только бессовестный дядя Леня Чех не верит в существование высших сил. Хотя, скорее всего, все же верит, но уверяет сам себя в противоположном, лишь бы не думать о том, что после кончины ему придется расплачиваться за совершенные злодеяния.

И тем не менее придется. Но сначала в этом мире!

– Хочу! – вдруг возразила Таня, причем голос у нее звучал на редкость громко, чисто и пронзительно.

Все немного растерялись от такой перемены в ней. Типы, державшие ее и тащившие к борту, даже чуть ослабили хватку. Таня заметила, что находится в полуметре от раскрытого «заборчика», за которым был виден точно такой же раскрытый «заборчик» катера «покупателей».

– О, что я слышу? – изумился дядя Леня. – У тебя, детка, голос прорезался, да еще какой. Что, решила на колени бухнуться и меня о милости просить? Ты лучше своих новых хозяев о милости проси, может, и сжалятся. Выполнишь все, что потребуют, они, так и быть, не убьют, а в гарем сдадут...

– Так вы хотите услышать, что я желаю вам сказать или будете сами, как баба базарная, языком молоть, дядя Леня Чех? – произнесла Таня с вызовом.

С лиц присутствующих сползли ехидные улыбки. Никто, и уж точно не пленники, не позволял себе разговаривать с Леонидом Чехарским в *таком* тоне.

– Руки прочь! – крикнула Таня тем, кто удерживал ее.

И дядя Леня, нахмурившись, приказал:

– Ладно, отпустите нахалку, все равно никуда не денется. А если в воду прыгнет, все равно ко дну пойдет с завязанными руками.

Типы отстранились.

– Ну, Танечка, что ты хочешь мне сообщить? – усмехнулся бандит.

Девочка обвела взглядом мужчин, на секунду остановила его на лице безымянного юноши, сверкнувшего синими глазами. А потом посмотрела на катер «покупателей», изнывавших от похоти. Наконец бросила взор на небольшой, вряд ли шире метра, зазор между двумя катерами, через который был перекинут хлипкий трап.

– Дядя Леня, я обещаю, что вам придется заплатить за все, что вы причинили моей семье. И я не успокоюсь, пока вы не получите сполна. Возмездие настигнет вас – рано или поздно!

По мере того как она говорила, лицо дяди Лени белело. И, кажется, не столько от гнева, сколько от... *От страха?* Неужели всемогущий Леонид Чех боится ее, десятилетнюю дочку убитого им Миши Волка?

Другие мужчины были явно ошарашены ее словами и словно приросли ногами к палубе. Именно этого и требовалось пленнице.

До того, как дядя Леня успел что-то ответить и отдать приказ поскорее сдать ее на руки «покупателям», Таня изогнулась, а потом изо всей силы харкнула ему в лицо. И хотя убийца ее семьи был на расстоянии пары метров, плевок достиг цели.

А затем, глубоко вздохнув, Таня легко вбежала на скрипящий трап, соединявший оба катера, закрыла глаза – и сиганула в воду.

Она боялась, что вода окажется холодной, все-таки сентябрь уже, но та была теплая и приятная, словно парное молоко. Таня на мгновение открыла глаза, увидела очертание катеров и тотчас резко ушла под один из них.

На секунду она застыла в воде, ощущая, что ночная рубашка сковывает ее движения, а медальон Клементины тянет вниз. Но сейчас не время было обращать внимание на подобные мелочи.

Внезапно винт катера начал вращаться, обдавая Таню потоками перемешанной с пузырьками воздуха воды. Она увернулась, чувствуя, однако, что ее неумолимо тянет к лопастям, и рванула вниз, в темную глубину.

Мимо проплыла ленивая крупная рыба, кажется, удивленная новым обитателем подводного царства. А затем толщу воды прошли крошечные буруны. И Таня поняла: это пули – люди дяди Лени поливают реку из автоматического оружия.

Девушка ушла вбок, стараясь не опускаться больше в темную, страшную глубину. Легкие уже разрывались, было понятно, что еще немного, и она невольно откроет рот – тогда ей в горло хлынет вода, лишая сознания и увлекая на дно, к рыбам, ракам и корягам. Чувствуя, что вот-вот лишится сознания, Таня пошла вверх, устремляясь из царства тьмы туда, где набирал силу сентябрьский рассвет.

Вынырнув наконец на поверхность, она жадно схватила ртом воздух и почувствовала небывалое, ни с чем не сравнимое счастье. До слуха донесся шум грозы. И только парой секунд позднее девочка поняла, что это не гром, а треск выстрелов.

Она не видела ни катеров, ни бандитов, как, впрочем, и те ее: белый туман надежно укрывал беглянку от глаз преследователей. Но в то же время Таня не знала, куда ей плыть, на что ориентироваться. Что, если бандиты станут планомерно прочесывать акваторию и рано или поздно наткнутся на нее? Она ведь понятия не имела, в какой стороне находится спасительный берег.

– Там, там, слева по борту! – услышала Таня далекий мальчишеский голос. – Я видел, голова мелькнула, потом снова под воду ушла! Вон, прямо там!

Снова зазвучали выстрелы, но теперь вдаль от нее. Таня поняла: ее безымянный спаситель с синими глазами намеренно отвлек внимание бандитов, тем самым позволяя ей уйти.

Таня поплыла прочь – и вдруг почувствовала предательскую судорогу, девочка невольно вскрикнула.

– Там голос был, там! – заорал кто-то, и в ее сторону снова обрушился свинцовый дождь.

Судорога вроде бы прошла, Таня снова резко ушла в глубину, пронизываемую белесыми туннелями пуль, – и вдруг ощутила жгучую боль в груди. Рот инстинктивно открылся и вода устремилась в горло. Девочка беспомощно забила руками и ногами, пытаясь выплыть на поверхность. Перед глазами мелькнула сизо-красная пелена, медальон на груди ожалил нестерпимым жаром. А затем все ощущения померкли, последним, что помнила Таня, перед тем, как тело потянуло на дно, была вытянутая морда любопытный толстой рыбины, возникшей из недр речного царства и медленно шевелившей плавниками, словно приветствуя ее и одновременно радуясь предстоящему подводному пиршеству...

Книга 2

– В связи с неявкой трех присяжных заседателей прошу перенести заседание, – произнес холеный седовласый адвокат, обращаясь к облаченному в черную мантию густобровому судье, восседавшему в кресле. – Хотя виноват, Ваша Честь, с учетом невероятного фарса, устроенного государственными обвинителями, невольными участниками коего являемся все мы, ходатайствую о прекращении процесса над моим клиентом в связи с невозможностью его продолжения!

И его клиент, сухощавый мужчина лет сорока с небольшим, одетый в дорогой костюм, закивал головой. Можно было рассмотреть его самодовольную улыбку, а также странно выглядящую мочку левого уха, явно когда-то поврежденную.

Адвокат, театрально воздев к потолку руки, торжествующе посмотрел в сторону обвинения, представленного облаченными в синие мундиры работниками Московской городской прокуратуры.

Судья повел плечами и обвел взглядом скамью, на которой находился неполный состав присяжных заседателей. Затем заговорил:

– Представитель обвиняемого прав, господа прокуроры. Начало нашего заседания и так задержалось больше чем на сорок минут. Больше ждать не имеет смысла!

Главный обвинитель, старший заместитель прокурора Москвы, полный тип с залысынами и свиными глазками, свистящим шепотом обратился к одному из членов своей команды:

– Радкович, где запасные присяжные?

Денис Радкович, невысокий энергичный блондин лет тридцати, также шепотом ответил:

– Лев Геннадьевич, но вы же сами настояли на том, чтобы их было только два. Как раз двое присяжных не пришли, этими запасными мы их и заменили.

Лев Геннадьевич Смирнов, тряся двойным подбородком, продолжил раздраженно:

– Радкович, дубина стоеросовая, ты что, за идиота меня держишь? Думаешь, я не в курсе того, что здесь только что произошло? Отбор присяжных – твоя прерогатива. Поэтому полную ответственность за прокол несешь именно ты!

Денис ничего не ответил, только иронично поджал губы – спорить со Львом Геннадьевичем не имело смысла и было себе дороже. Не говорить же Смирнову, в самом деле, что он действительно считает его идиотом?

– В таком случае, если сторона обвинения не в состоянии обеспечить своевременное появление присяжных, то... – начал судья. Но Лев Геннадьевич, мгновенно преобразившись, произнес:

– Ваша Честь, в связи с, надо сказать, экстраординарной ситуацией прошу вас о часовом перерыве. Ведь наверняка неспроста трое присяжных не явились на процесс! Ни один из них не отвечает на звонки. Нам необходимо время, чтобы выяснить, в чем дело...

Судья, нахмурившись, посмотрел на наручные часы, откашлялся, важно пошевелил бровями, а потом провозгласил:

– Объявляется перерыв в пятнадцать минут. Если по завершении одного сторона государственного обвинения не будет в состоянии представить нам всех присяжных, то я займусь рассмотрением ходатайства стороны защиты о немедленном роспуске коллегии присяжных!

Как только судья покинул свое кресло и скрылся в смежной комнате, в зале послышался гомон. Лев Геннадьевич весьма визгливым тоном заявил, обращаясь к Денису Радковичу:

– Учти, тебе это даром не пройдет! Я уж позабочусь, чтобы карьеры ты у нас не сделал. Москва, как ни крути, город не такой уж и большой!

Денис, ничего не отвечая, вышел прочь, на ходу вынимая из внутреннего кармана мобильный телефон. Вслед за ним бросилась одна из помощниц прокурора. Лев Геннадьевич,

тяжело вздохнув, вытер лоб большим клетчатым платком и уставился на седовласого адвоката, защищавшего обвиняемого.

– Трудности, коллега? – спросил тот участливо. – Ведь будет жаль, если коллегия присяжных распустят, не так ли?

Лев Геннадьевич, смерив его презрительным взглядом, фыркнул:

– Я вам уж точно не коллега. Гусь свинье, как говорится, не товарищ...

– Не знал, что вы столь самокритичны, – немедленно отреагировал адвокат и, ухмыльнувшись, направился к своему подзащитному, оставив Льва Геннадьевича с выпученными глазами.

Еще один помощник прокурора, молодая изящная женщина, с короткими рыжими волосами и в стильных очках, сидевшая рядом и слышавшая колкость адвоката, усмехнулась, что не ускользнуло от ее шефа.

– Мухина, что ты тут расселась, как на именинах? – повысил голос тот. – Иди лучше делом займись. Через десять минут возобновится заседание, и мне нужен чертов присяжный. Живой или мертвый!

– Мертвый, Лев Геннадьевич, нам ни к чему, поэтому постараемся найти живого, – ответила помощник прокурора и поднялась из-за стола. При этом на ее груди, прикрытой блузкой, качнулся на золотой цепочке старинный медальон.

Юрист третьего класса Татьяна Михайловна Мухина направилась к выходу, бросив при этом взор на подсудимого, который, вполуха слушая то, что вещал ему седовласый адвокат, с наглой усмешечкой разглядывал присутствующих.

Словно почувствовав на себе быстрый, но изучающий взгляд рыжеволосой девушки, мужчина обернулся – и на мгновение, всего на мгновение, их глаза встретились.

Татьяна ощутила сердцебиение, несмотря на то, что тщательно готовилась к этому моменту, понимая: на кону стоит слишком многое, чтобы допустить промах. Поэтому она тотчас приняла равнодушный вид, все еще чувствуя, что подсудимый продолжает рассматривать ее. Хорошо, что все это длилось какие-то доли секунды. Затем Мухина вышла из зала судебных заседаний Московского городского суда и оказалась в переполненном журналистами коридоре.

Пробравшись сквозь толпу представителей СМИ, слетевшихся для освещения «процесса десятилетия», как с чьей-то легкой руки окрестили судебное разбирательство, главным обвиняемым в котором был Леонид Григорьевич Чехарский, он же Чех, крупный бизнесмен, практически миллиардер, а по слухам – один из «крестных отцов» столичной мафии, Татьяна заметила Дениса Радковича. Тот вышагивал по соседнему коридору и пытался до кого-то дозвониться по мобильному.

Взгляд... Да, взгляд Чехарского, то есть дяди Лени Чеха, остался прежним – пронзительным, пробирающим до мозга костей, издевательским. Именно так он смотрел на Татьяну в ту ночь, когда убил ее семью. И в то туманное утро, когда намеревался сдать единственную оставшуюся в живых девочку, десятилетнюю дочь его конкурента Михаила Волкова, на руки мерзавцам-педофилам.

Татьяна отогнала от себя мысли о прошлом, одернула мундир, спрятав медальон под блузку, и подошла к Денису.

– Безрезультатно! – воскликнул тот в сердцах. – У одного телефон отключен, а другой не берет трубку. И дома у них тоже никого! У тебя нет номера сотового жены первого и матери второго?

Другая помощница, Верочка, уже вела с кем-то беседу, пытаясь узнать, как найти одного из не явившихся на заседание присяжных.

Таня вынула из кармана листок и протянула его Денису. Оба немедленно принялись нажимать на кнопки своих мобильных. Однако, как и следовало ожидать, родственники исчезнувших присяжных не сообщили ничего нового. *А это значило...*

Таня заметила вышедшего к прессе вальяжного седовласого адвоката. Господин Светлый являлся председателем Московской коллегии адвокатов и был одним из наиболее известных, а также, что немаловажно, высокооплачиваемых специалистов по уголовному праву в России.

Понимая, что сейчас законник, человек велеречивый и остроумный, выставляет прокуратуру столицы в невыгодном свете, Мухина принялась лихорадочно размышлять, что же предпринять. Ведь она так ждала этого дня! Все последние одиннадцать лет Татьяна жила только одним желанием – увидеть дядю Леню Чеха на скамье подсудимых и услышать приговор: «пожизненное заключение». Но тот, похоже, может вывернуться. Выходит, недооценила бандита и работавших на него людей. Еще бы, вскарабкавшись на вершину криминального Олимпа, он мог позволить себе лучших адвокатов...

В этот момент Таня увидела высокого молодого мужчину, облаченного в черный костюм. Незнакомец подошел к адвокату Светлому и отдал ему какую-то записку. Законник, быстро прочитав ее, кивнул, смял листок и громогласно заявил: как он уже говорил ранее, его клиент невиновен.

Таня же внимательно смотрела на человека в черном костюме. Темные волосы, загорелая кожа, быстрые движения... словно почувствовав ее взгляд, мужчина поднял голову – и она заметила, как сверкнули, словно два сапфира, его синие глаза.

Дрожь охватила Таню. Девушка быстро отвернулась, чувствуя, что воспоминания снова возвращаются. *Ведь тогда, в тот сентябрьский день...*

Движимая непонятным любопытством, Татьяна решила проследить, куда направится синеглазый тип. Тот завернул за угол, она пошла за ним. А незнакомец зашел в туалет – разумеется, мужской.

Девушка остановилась и увидела надвигавшегося на нее Льва Геннадьевича.

– Бездельники, тупицы, бестолочи! – прошипел, проходя мимо, заместитель прокурора. – И зачем вы все нужны, если не в состоянии даже явку присяжных организовать? Смотри, Мухина, тебе тоже влетит!

С этими словами он скрылся за той же дверью, за которой несколькими секундами раньше исчез синеглазый.

Неожиданная мысль закралась в голову Тане: вполне вероятно, дядя Леня Чех имеет своего человека в прокуратуре. Более того – в той команде, которая занималась его делом. И скорее всего, «крот» – какая-нибудь мелкая сошка наподобие ее самой или, скажем, Верочки. Хотя могло стать, что предатель сидит этажом, а то и двумя выше. Вдруг, к примеру, на дядю Леню Чеха работает заместитель прокурора Москвы Лев Геннадьевич Смирнов, который сейчас так правдоподобно изображает недовольство нерадивыми сотрудниками и театрально мечет гром с молниями?

Ей припомнились слухи о том, что Лев Геннадьевич любит жить на широкую ногу. И что у него якобы имеется где-то за границей роскошная вилла. Интересно, недвижимость куплена на его зарплату заместителя прокурора?

Таня подошла к двери мужского туалета и осторожно приоткрыла ее. А затем проскользнула в выложенное кафелем помещение, где располагался туалет, и прислушалась – те, кто находился в туалете, о чем-то негромко разговаривали.

– Однако цена будет слишком большой, не потянете! – раздался визгливый голос Льва Геннадьевича.

Его собеседник, которым мог быть только тот самый синеглазый, что-то ответил, но шум спускаемой воды заглушил его слова.

Входная дверь распахнулась, и в туалет ступил мужчина и с удивлением уставился на Татьяну. Тут же из внутреннего помещения выкатился Лев Геннадьевич. Заметив подчиненную, Смирнов как-то странно скривился. Тане показалось, что его глазки испуганно забежали.

– Мухина, ты теперь за мной даже в сортир по пятам ходить будешь? – спросил мужчина грубо, явно скрывая волнение. – Ну, что такое? Только не говори, что дверью ошиблась!

– В самом деле, ошиблась, – произнесла она и вышла прочь.

Заняв стратегическую позицию за углом, Таня наблюдала за тем, как из туалета сначала вышел Лев Геннадьевич, и, взглянув на часы, увидела, что до конца перерыва остается еще шесть минут. Потом оттуда появился и синеглазый. Таня отвела взор, но мужчина сам подошел к ней и спросил:

– Кажется, мы уже встречались?

– Не думаю, – ответила Таня, стараясь унять сердцебиение. Конечно, встречались – видела его одиннадцать лет назад. Юноша превратился в мужчину, но это был он. Вне всяких сомнений, он.

– А вот я думаю иначе, – сказал знакомый незнакомец. – И потому хочу предупредить: вы ввязались в опасную игру. Лучше уйдите в сторону, пока не поздно. Потому что во второй раз убежать уже не удастся...

– Что вы имеете в виду? – сделала удивленное лицо Таня.

Пронзая ее взглядом, мужчина ответил:

– Вам это и так прекрасно понятно, Татьяна Михайловна...

– Вы ведь только что договаривались с Львом Геннадьевичем о цене, не так ли? – спросила она.

Синеглазый усмехнулся и ответил ее же вопросом:

– Что вы имеете в виду? – А потом развернулся и зашагал прочь. Впрочем, через пару метров остановился и, не оборачиваясь, произнес: – Если я вас узнал, несмотря на весь маскарад, могут узнать и другие. Поверьте, у дяди Лени отличная память.

Затем он исчез.

Таня вернулась в зал, надеясь, что увидит там и синеглазого, но тот, видимо, выполнив свою миссию, покинул здание суда. Лев Геннадьевич, сидел в кресле и о чем-то размышлял, на его губах играла странная улыбка. Татьяна не сомневалась, что ее шеф обдумывает более чем щедрое предложение, сделанное синеглазым. Ведь в их разговоре в туалете, подальше от посторонних, наверняка речь шла о том, как помочь Леониду Чехарскому в очередной раз обмануть правосудие.

Таня посмотрела на стол, затем на своего врага. Тот был явно в отличном расположении духа, понимая, что вот-вот дело против него рассыплется. Однако она не могла допустить такого поворота!

Девушка обменялась короткими репликами с подоспевшим Денисом. Тот пожал плечами, сообщив, что ни до кого из присяжных дозвониться не смог. То же доложила и Верочка.

И снова Татьяна посмотрела на дядю Леню Чеха. Ведь все эти годы она мечтала об одном – чтобы негодяй понес наконец наказание за содеянное. Если не за то, что сотворил с ее семьей, так за другие преступления. И вот выпал шанс – Чехарский предстал перед судом по обвинению в организации преступного сообщества, бандитизме и похищении.

Теперь-то Тане стало понятно, отчего обвиняемый и его защитник, адвокат Светлый, настаивали на суде присяжных, тем паче что статьи, по которым обвинялся Чехарский, это допускали. Так они поступили с единственной целью – чтобы затянуть судебный процесс, а в итоге сделать так, чтобы статьи переквалифицировали на менее серьезные или вообще закрыли дело. И Таня даже знала, кто должен был им помочь.

Она перевела взор на заместителя прокурора Льва Геннадьевича. А затем бросила взгляд на смятую бумажку, которая лежала на столе, за которым сидел адвокат Светлый. *Это была записка, врученная ему синеглазым.* Мелькнула мысль: наверняка, если узнать, каково ее содержание, многое прояснится. Более того, могут появиться дополнительные улики...

– Встать, суд идет! – раздался громкий голос судебного пристава, и в зале, с небольшой задержкой, появился судья, который вел заседание.

Узнав, что присяжные так и не появились, он перевел взор на адвоката Светлого. Элегантный седовласый законник повторил то, что сказал до перерыва, и даже подал судье ходатайство, отпечатанное на бумаге.

Тане было интересно узнать, помощники столичного корифея состряпали оное во время перерыва, или тот пришел на утреннее заседание, имея ходатайство в папке? Если верно последнее, то Светлый был в курсе, что сразу несколько присяжных не явятся на процесс, а следовательно...

Странное дело, но Лев Геннадьевич, хоть и заявивший протест, и попросивший перенести заседание, сделал это как-то вяло, неубедительно. То ли был не в духе, то ли уже раздумывал над тем, как потратит куш, который получит от подсудимого за развал дела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.